

ПОДЪ ЯСНЫМЪ НЕБОМЪ

УГОЛКИ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ

ВЪ ОЧЕРКАХЪ и КАРТИНАХЪ ДЛЯ ДЪТЕЙ

м. новорусскаго

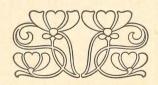

Съ 12 раскрашенными нартинами Анны Стинасъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

						CTP.
Предисловіе		 			e:	I
Лъсное представление		 				1
Въ лъсной глуши		 				6
Лъсная пряха		 				11
Весна пришла		 				15
Добрыя феи и злыя		 				20
Бълка грызунокъ и пестрый дятелъ	1.	 				25
У самаго дома		 				31
У берега		 				35
Какъ живутъ рыбы		 , ,				39
Хищникъ косолапый и хищникъ пернатый		 ¢ .	•			43
Лъто красное разгулялося		 - 1				48
Летуны пернатые и не пернатые	•	 	,			52

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ мірѣ нѣтъ ничего маловажнаго. О чемъ бы мы ни заговорили, все имѣетъ свою серьезную естественно-научную цѣнность. Куда бы мы ни оглянулись, вездѣ найдемъ проявленіе жизни, могучей, всеобъемлющей и достойной вниманія. Въ живой природѣ—все одинаково интересно. И ни о чемъ нельзя сказать, что это прежде, а то—послѣ.

Когда предъ дѣтьми начинаетъ открываться огромный міръ неизвѣстнаго, не все ли равно, съ чего начать знакомство съ нимъ. Нужно только начинать, какъ можно раньше, памятуя, что длиненъ путь познаванія и трудно дойти до его предѣловъ.

Предлагаемые 12 очерковъ подобраны такимъ образомъ, что предъ читателемъ проходитъ расцвѣтъ природы, начиная съ самыхъ раннихъ признаковъ весны. Затѣмъ читатель слѣдитъ за ходомъ весны по цвѣтенію березы и клена, яблони, груши и вишни, сирени и черемухи. Наконецъ, онъ переходитъ къ красному лѣту съ массой рѣющихъ въ воздухѣ насѣкомыхъ и съ богатствомъ луговой растительности и видитъ это лѣто на исходѣ.

Такъ какъ развертывающаяся при этомъ жизнь обязана своимъ проявленіемъ согрѣвающимъ лучамъ солнца, то всѣ очерки объединены общимъ заголовкомъ «Подъ яснымъ небомъ».

Несмотря на эпизодичность очерковъ и сказочную форму двухъ изъ нихъ, авторъ старался дать самыя разностороннія свѣдѣнія изъ жизни природы и сдѣлать эти свѣдѣнія, насколько можно, точными и фактически вѣрными.

Такимъ образомъ, сюда вошли, кромѣ общихъ описаній внѣшней природы (солнца, неба, облаковъ, горъ, луга и лѣса), ознакомленіе съ нѣкоторыми растеніями, особенно деревьями (кедръ, ель, ива, береза, кленъ, яблоня и др.) и описаніе устройства цвѣтка яблони и роли цвѣтка въ жизни растенія.

Изъ животныхъ же предъ глазами читателя проходятъ: паукъ, насѣкомыя, рыбы, птицы (орелъ, кукушка, ворона, сорока, сова, утка, глухарь, дятелъ, журавль) и, наконецъ, млекопитающія (медвѣдь, лисица, лось, заяцъ, ежъ, бѣлка).

лъсное представленье.

Въ трещинахъ каменныхъ скалъ пріютились и укоренились рѣдкія одинокія деревья. Ель да береза, ива да сосна— наши родныя деревья. На плоскихъ выпуклинахъ снѣгъ успѣлъ стаять. Обнажились бурыя заросли мховъ и лишайниковъ. Онѣ точно шуба одѣваютъ любой камень своимъ дерномъ и ухитряются расти на голой скалѣ, гдѣ кромѣ нихъ не можетъ расти ничто другое.

А въ низинахъ всюду лежатъ еще глубокіе сугробы снѣга. Спятъ деревья зимнимъ сномъ. И только одна ива начинаетъ просыпаться. Ея коричневыя почки вздулись. Чешуйки вотъвотъ лопнутъ и опадутъ. А изъ-подъ нихъ вылѣзетъ бѣлый пушистый шарикъ вербы, который недѣли черезъ 3—4 распустится и зацвѣтетъ.

Вотъ въ такихъ-то горныхъ дебряхъ расположился тетер е въ-глухарь давать свои представленья. Расположился онъ на высокой плоской скалъ, какъ на подмосткахъ театра, и заплясалъ. Такого плясуна, пройди весь лъсъ, не сыщешь. Онъ вытягиваетъ шею, нахохливаетъ всъ перышки, растопыриваетъ крылья и распускаетъ въеромъ хвостъ. Весь взъерошенный, онъ то ходитъ взадъ и впередъ, то присъдаетъ, то хватаетъ одной ногой по воздуху, прыгаетъ, вытягивается весь въ длину, или сжимается въ комокъ. И когда онъ выдълываетъ такія штуки, горло его издаетъ разныя трели. То щелкаетъ, то крякаетъ, а больше точитъ,—какъ будто ножъ точатъ на брускъ.

Такъ онъ танцуетъ и поетъ очень долго. И при этомъ увлекается своимъ представленьемъ, какъ истинный артистъ. Даже не видитъ и не слышитъ ничего, что дълается кругомъ. За это и прозвали его русскіе охотники глухаремъ.

Во время танца онъ забываетъ про всякую опасность. Охотники подкрадываются къ нему, и иногда берутъ руками. Въ дру-

гое время глухарь, какъ и всѣ крупныя птицы, за которыми охотится человѣкъ, — крайне остороженъ. Онъ ловко прячется и не подпускаетъ близко охотника съ ружьемъ. Подкрасться къ нему очень трудно и подстрѣлить невозможно. Совсѣмъ другое теперь, во время этой пляски, которую охотники зовутъ токованьемъ. Какъ настоящій актеръ, онъ забываетъ во время этой игры все на свѣтѣ, поетъ и играетъ, и совсѣмъ не замѣчаетъ, что охотникъ подкрался уже близко. Охотникъ вынулъ сначала книжку, и зарисовалъ туда это рѣдкое зрѣлище. Вѣдь оно бываетъ только однажды въ годъ! Да и то не каждый годъ можно разыскать такое пустынное мѣсто, гдѣ глухари устраиваютъ свои танцы. Подкрался охотникъ медленно, но мѣтко нацѣлилъ въ этого нахохлившагося плясуна, и бацъ! Конецъ представленью!

А пока охотника нѣтъ, на это зрѣлище собралась своя лѣсная публика. Цѣлыхъ пять тетерокъ размѣстилось кругомъ на вѣтвяхъ, словно въ ложахъ театра, смотрятъ на своего плясуна и наслаждаются. Двумъ изъ нихъ такъ это нравится, что онѣ свѣсили голову отъ удовольствія. Хочется имъ ближе видѣть всѣ его фокусы!

Въдь и мы иногда вытягиваемъ шею, когда хотимъ прислушаться или присмотръться къ чему-нибудь для насъ интересному.

Для нихъ тетеревъ то же, что пѣтухъ для курицъ. И пѣтухъ иногда возлѣ курицъ выкидываетъ крыломъ разныя штуки и забавляетъ ихъ своимъ пѣніемъ. Поетъ онъ неважно, не то, чтобы скворецъ, либо соловей. А курамъ нравится. Также и тетеркамъ нравится токованье своего тетерева. Оттого и собрались онѣ компаніей слушать его. Слушаютъ, да похваливаютъ: — «Ахъ, какой мастеръ нашъ тетеревъ! Эдакій затѣйникъ»!

А онъ понимаетъ эти похвалы и старается еще больше, и еще фигуристъе.

Услыхала въ лѣсу эту музыку лиса Патрикѣевна, и незамѣтно подкралась смотрѣть это даровое представленье. Хвостъ опустила, уши наставила. Смотритъ, слушаетъ, да облизывается отъ удовольствія. Пріятно ей видѣть этотъ птичій театръ. А еще пріятнѣе было бы подкрасться поближе, пока нѣтъ еще охотника, да схватить самого оглохшаго плясуна за горло.

Кто не знаетъ Лису Патрикъевну! Всякій знаетъ, какъ она хитра, умна и осторожна. И какая она лакомка, особенно до птичьяго мяса. Если заберется въ курятникъ, не сдобровать всему птичьему царству нашего куринаго двора. Заберется она ночью, когда во дворъ все спитъ сномъ безмятежнымъ. Заберется тихохонько. Ступаетъ осторожненько своими мягкими лапками. Поминутно останавливается, озирается, да прислушивается. И когда увидитъ, что все кръпко спитъ,—и человъкъ, и его сторожевыя собаки,—тутъ-то она и разгуляется. Какой ни попадется куренокъ,—хвать его прямо за горло, тотъ и пикнуть не успъетъ. Одного, другого, третьяго. И никто не крикнетъ и не потревожитъ своимъ крикомъ всъхъ спящихъ.

Перегрызетъ пятое и десятое горло, а всюду тихо, какъ будто ничего не случилось.

Навышись досыта, она начинаеть таскать къ себѣ въ лѣсъ тѣхъ, кого задушила про запасъ. Рукъ у нея нѣтъ, и таскать приходится въ зубахъ. Значитъ, всего по одной штукѣ за разъ. А подворотня-то въ курятникѣ узка, да тѣсна. Пока она протащится ползкомъ да съ осторожкой, пока сбѣгаетъ до лѣсу, ночь-то уже близится къ концу. И пѣтухи, и собаки, и люди уже наполовину повыспались. Сонъ у нихъ сталъ чуткій, слухъ тонкій. Возвращается лиса уже въ третій разъ, а пѣтухъ только что пропѣлъ: «ку-ку-ре-ку». Пропѣлъ, зѣваетъ да потягивается. Вдругъ шорохъ въ подворотнѣ. Онъ навострилъ уши и слышитъ что-то неладное.

- «Ку-ку-ку», кричитъ онъ громко и тревожно.
- «Ку-ку»,—подхватили всъ куры, кто остался въ живыхъ.
 - «Гамъ-гамъ», —залаяла собака, проснувшись отъ крика.

И поднялся въ курятникъ и во дворъ такой переполохъ, что проснулись всъ люди. Выбъжали на дворъ Думаютъ: либо воръ, либо пожаръ. Пожара нигдъ не видно, гарью тоже не пахнетъ. Значитъ, воръ. Ищутъ прежде слъдовъ на снъгу.

Какъ разъ въ ночи выпалъ маленькій снѣжокъ и чуть-чуть запорошилъ легкимъ пушкомъ весь дворъ. Взяли люди фонарь, потому что еще не разсвѣло, и ищутъ.

— «Ба! вотъ это кто», —восклицаетъ хозяинъ.

Онъ увидалъ тропочку въ лѣсъ отъ лисьихъ лапокъ и догадался.

Сейчасъ же заткнули подворотню, вошли въ курятникъ съ огнемъ и ищутъ. Видитъ лисица, совсѣмъ плохо ея дѣло. Попалась, какъ куръ во щи. Со страху забилась за кузовку, гдѣ было куриное гнѣздо, и выглядываетъ оттуда. Только глаза блестятъ, какъ свѣчки.

Не стерпълъ хозяинъ, какъ бросится онъ съ кнутомъ на воровку... Но въ этотъ мигъ вошла въ курятникъ хозяйка. Она замъшкалась въ домѣ, и еще не знала, въ чемъ дѣло. Увидала лиса, что дверь открывается. Прыгнула туда со всѣхъ ногъ, чуть не повалила испуганную хозяйку, выскочила во дворъ, и была такова! Потуда ее и видали! Остались въ курятникѣ только три загрызенныхъ курицы, да двѣ утки на память о хитроумной лисѣ.

Такъ вотъ она какая, Патрикъевна! Съ тъхъ поръ она вспоминаетъ про этотъ курятникъ и больше туда не заходитъ.

— «Нътъ, — говоритъ, — второй разъ въ западню не хочу»!

Зато ходить она теперь по льсу и промышляеть среди льсныхъ птицъ: тетерокъ, куропатокъ, рябчиковъ и др. Смотрить она тутъ на фокусы глухаря, облизывается, а сама соображаетъ, какъ бы ей преребраться черезъ эти ущелья, зайти сзади, изъ-за сосны, и схватить этого плясуна прямо поперекъ хребта.

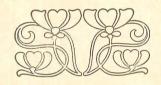
Но нътъ, не мудри, коварная, не удастся тебъ это! Если глухарь и ничего не слышитъ,—зато слышатъ хорошо и видятъ его върныя глухарки. Онъ дадутъ ему знать объ опасности, и не придется тебъ полакомиться вкуснымъ тетеревомъ!

Предчувствуетъ это лиса и думаетъ: «ну, не удастся теперь, такъ удастся лътомъ. У каждой тетерки тогда будетъ вы-

водокъ цыплятъ. Шустрые они, да проворные. Бѣгаютъ прытко, и прячутся очень ловко. Но отъ меня не уйдутъ. Подкараулю какъ-нибудь ночью и накрою. Всѣ разбѣгутся, а ужъ одного-то сцапаю!»

Думаетъ лиса да облизывается. Лѣто будетъ еще не скоро, а теперь ей и холодно и голодно.

ВЪ ЛѢСНОЙ ГЛУШИ.

УСТОЙ дремучій лѣсъ. Вдали просвѣчиваетъ край его. А тутъ дровосѣки вырубили полянку и не успѣли еще убрать съ нея всѣхъ дровъ. Стоитъ ранняя весна. И верба только что выпустила изъ почекъ свои пушистые шарики. Сюда-то и вылѣзъ изъ чащи огромный рогатый звѣрь. Такого звѣря рѣдкому охотнику приходилось видѣть. А мы съ вами можемъ повидать его только въ звѣринцѣ, да въ музеѣ.

Звѣрь этотъ великъ, но не страшенъ. Не то корова, не то лошадь. А больше всего похожъ на оленя. Называется онъ лось. Голова огромная, рога толстые; плоскіе да вѣтвистые. Онъ спрятался наполовину въ лѣсу и мы не можемъ разглядѣть его всего. А длина его почти 4 арш., и высота въ плечахъ больше 2^{1} арш. Вѣсомъ онъ около 30 пудовъ. Быкъ хорошій! И такой сильный! Если встрѣтится съ нашимъ домашнимъ быкомъ, и начнетъ драться съ нимъ, то непремѣнно одолѣетъ. Шерсть лохматая, длинная и густая, бураго цвѣта. Копыта большія, толстыя. Какъ ударитъ кого такимъ копытомъ, долго будетъ помнить. Одни рога вѣсятъ больше пуда.

Охотнику можно хорошо поживиться такимъ звъремъ. Шутка ли сказать: одного мяса чуть не 30 пудовъ. А шкура! Какая славная замша выходитъ изъ этой шкуры! Какія мягкія и теплыя лосиныя перчатки!

Но для этого нужно еще найти лося. А найти его не легко. Онъ живетъ въ самыхъ дремучихъ и далекихъ лъсахъ, и встръчается очень ръдко. Охотники перестръляли ихъ многое множество, и потому теперь ихъ осталось мало. А тъ, кто остался, прячутся въ глухихъ дебряхъ.

Выходить оттуда лосю не зачѣмъ. Онъ питается травой, и притомъ той травой, которая растетъ по лѣсамъ. Ни мяса, ни овощей, ни хлѣба ему не нужно. Вотъ когда по такому глухому лѣсу начнутъ проводить желѣзную дорогу, тутъ лосю становится плохо. Придетъ много людей, построятъ палатки,

застучать топоры, загорятся костры. Шумъ, грохотъ, говоръ! А прежде было такъ тихо, да уютно!

Ходитъ тогда лось по своему родному лѣсу, да раздумываетъ. Негдѣ ему укрыться отъ опасныхъ для него людей. Выйдетъ онъ на полянку, пока люди еще спятъ, смотритъ грустно на лѣсные пни и не можетъ понять, куда дѣвалась густая древесная чаща. И куда теперь дѣваться ему самому, старинному и привычному жителю глухихъ непочатыхъ лѣсовъ!

Приходится лосю уходить все дальше и дальше отъ людей. И мало уже осталось на землѣ такихъ мѣстъ, гдѣ лось чувствуетъ себя, какъ дома, ходитъ безъ страха и пасется безъ гревоги. Изрѣдка только нападетъ на него тамъ либо волкъ, либо медвѣдь. Но у лося ноги прыткія. Отъ медвѣдя онъ уйдетъ легко, а съ волкомъ и самъ поборется. И недолго проживетъ тотъ волкъ, которому пришлось попробовать лосинаго копыта.

Молодого лосенка можно поймать и легко воспитать дома. Тогда онъ становится ручнымъ, нѣжно лижетъ руки своему хозяину, какъ барашекъ, и любитъ ходить за нимъ всюду. Его можно держать во хлѣвѣ и выпускать на пастбище вмѣстѣ съ другимъ скотомъ. Онъ погуляетъ, а къ ночи опять самъ возвращается во хлѣвъ.

Однажды такой ручной лось былъ выпущенъ въ родной лъсъ. Онъ объгалъ его весь, встрътился тамъ съ другими дикими лосями, долго разсматривалъ ихъ, потомъ все-таки вернулся къ своему хозяину.

Но въ неволъ, какъ и всъ вольныя животныя, онъ сильно страдаетъ и скоро умираетъ отъ тоски по родному лъсному простору.

Угрюмо и грустно смотрить лось на лѣсную просѣку. Зато веселы здѣсь и игривы зайцы. Имъ убѣгать некуда да и не зачѣмъ. Имъ вездѣ домъ. Большой лѣсъ, или маленькій, старый или молодой, густой или съ большими полянами, или просто мелкій кустарникъ, — вездѣ они чувствуютъ себя привольно. Была бы только небольшая тѣнь, да густая трава, гдѣ зайцу можно укрыться отъ охотника.

А охотниковъ на зайца очень много. Кто только его не преслъдуетъ! И человъкъ, и собаки, и кошки, и лисицы, волки и орлы, даже вороны и ястреба. Пойдетъ онъ въ лъсъ, съъдятъ звъри, побъжитъ по полю, заклюютъ птицы. И куда бы онъ ни ушелъ, вездъ найдетъ его человъкъ со своими собаками.

И нечѣмъ бѣдному зайкѣ обороняться. Ни страшныхъ роговъ, ни большихъ зубовъ, ни когтей нѣтъ у него. Есть только большія длинныя ноги, чтобы убѣгать, подпрыгивая. Да большія уши, чтобы слышать враговъ издали.

Есть еще у него одна хитрость, но до этой хитрости не самъ онъ додумался. Хитрость эта—въ его пушистой шерсти. Лѣтомъ его шерсть бурая съ темновато-бѣловатыми пятнами. Сядетъ онъ въ такой шерсти на бурую землю, или на бурый камень, и его никто не замѣтитъ. Такъ онъ похожъ цвѣтомъ на камень! А какъ только кончится лѣто и станетъ выпадать снѣжокъ, выпадутъ и у зайца его сѣрые волосы. А на ихъ мѣсто вырастутъ новые, какъ снѣгъ, бѣлые. Сядетъ зайка въ такой шкуркѣ за сугробомъ, либо за кочкой, покрытой снѣгомъ, и его не видно. Снѣгъ бѣлый, и шкура бѣлая, —все равно, что на снѣгъ молока налить: ничего не будетъ замѣтно.

Хорошо прячется заяцъ и въ сърой и въ бълой шкуръ. Но все-таки зоркій глазъ врага можетъ высмотръть его. Поэтому онъ пасется больше по ночамъ. Тогда ужъ и зоркій глазъ не найдетъ его. Мелькнетъ заяцъ у дороги, и исчезъ. Пока онъ бъжалъ, его еще можно видъть, и онъ это знаетъ. Потому пробъжитъ онъ немножко, сядетъ и прислушивается. Если врагъ близко, онъ сидитъ, не шелохнется. Тогда можно пройти какъ разъ возлъ него, и все-таки его не найдешь!

Пасется заяцъ вездъ, гдъ есть зеленая травка. Но больше всего онъ любитъ наши хлъбные посъвы, наши огороды и сады. Капуста и свекла—для него чистое лакомство. Страшно только ходить за ней. Растетъ она всегда вблизи дома, а тамъ и человъкъ съ ружьемъ, и чуткая собака. Радъ бы зайка подойти поближе, да очень боязно. Вотъ овсы—другое дъло. Поля широкія, хлъба высокіе. Есть гдъ разгуляться, спрятаться и убъжать, коли погонятся.

А наступить зима холодная, тогда съ голоду и страхъ долой! Прибъжить тогда заяцъ въ самую деревню, и если не найдетъ подъ снъгомъ старыхъ кочерыжекъ, то будетъ грызть кору у молодыхъ деревьевъ. Особенно нравятся ему яблони. И горе тогда хозяину, если онъ не защитилъ своего сада! Зайцы такъ подгрызутъ его, что онъ весь засохнетъ.

А что за прелесть маленькій зайка! Настоящій котеночекъ! Родится ихъ у зайца очень много, бѣгаютъ они одни безъ матери, и поймать ихъ не трудно. Со страху они присядутъ, и ни съ мѣста! Дома они дѣлаются очень ручными и ласковыми, ѣдятъ почти все то, что и мы, но живутъ въ неволѣ недолго.

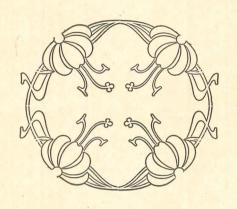
На ту же поляну, гдъ задумчиво стоитъ лось и гдъ бъгаютъ зайцы, заглянулъ на минутку еще одинъ маленькій звърекъ. Точь-въ-точь маленькая свинка! Мордочка острая, шкура щетинистая... Но это не свинка, а ежъ Зайцы часто попадаются въ лъсу. Продаютъ ихъ и на рынкъ. Потому ихъ всъ знаютъ. А ёжика ръдко кто видалъ.

Звърекъ онъ маленькій, тихонькій, никому не страшный. Бъгать онъ не умъетъ такъ прытко, какъ заяцъ, прятаться тоже. Зато онъ умъетъ еще кое-что.

Щетина его—не такая мягкая, какъ у свиньи, а твердая и колючая, какъ настоящія иглы. Какъ только онъ завидитъ врага, онъ не бъжитъ и не борется, а свертывается въ клубокъ. Нѣжную мордочку и лапки прячетъ внутрь, и дѣлается круглымъ, какъ шаръ. Такъ и лежитъ неподвижно. Его можно катать, какъ шаръ, и онъ остается безъ движенія, словно мертвый. Иглы его ощетинились, торчатъ во всѣ стороны. Кто ни схватитъ его, всякій уколется до крови. Онъ будетъ долго лежать шарикомъ, пока слышитъ кругомъ опасный шумъ. А когда затихнетъ все, онъ развернется и опять побѣжитъ.

Питается ёжъ насѣкомыми, но главнымъ образомъ мышами. Очень любитъ также ядовитыхъ змѣй. Яду ихъ онъ не боится. Когда нападетъ на гадюку, та защищается и кусается. Кусаеть его въ мордочку, въ губы, даже въ языкъ, а ему хоть бы что! Искусанный много разъ, онъ все-таки схватитъ гадюку прямо за голову и съъсть ее цъликомъ вмъстъ съ ея ядомъ.

Дома онъ легко приручается, и тогда ловитъ мышей не хуже кошки.

ЛЪСНАЯ ПРЯХА.

РИЛЕТЪЛА лъсная фея, на березку съла и любуется. Весна давно пришла. На березъ листъ распускается, и вся она увъшана блъдножелтыми сережками. Цвътетъ, пыльцею обсыпается, съменемъ наливается. А кленъ успълъ распустить уже большіе листья. И далъ цълыя гирлянды цвътовъ такихъ же желтыхъ, какъ у березы. Только висятъ они не сережками.

Смотрить фея, какъ распускаются деревья, какъ солнышко нѣжить и ласкаеть ихъ. И чуткимъ ухомъ слушаеть, какъ сладкіе соки въ деревѣ текутъ да по вѣткамъ переливаются. Какъ эти соки до листьевъ и цвѣтовъ добираются и всюду вливаютъ жизнь, ростъ и силу.

Сидитъ она, весной наслаждается. Тишина и лѣсной покой навъваютъ на нее грезы разныя. Вся она размечталась и отъ счастья разрумянилась.

Вдругъ взоръ ея упалъ на какое-то круглое чудище; виситъ на ниткъ, качается, дапками перебираетъ, то опускается, то поднимается.

Фен была очень юная. Въ эту весну она совершала свой первый полетъ по лъсу и многаго не знала, что въ немъ дълается. Посмотръла она кверху, откуда спускается нить. А тамъ уже соткана цълая съть.

— Вотъ такъ странная пряха, — думаетъ фея. — Прядетъ и съти плететъ, а льна нигдъ нътъ!

Она уже знала, что нитки дѣлаются изъ льна, и видала, какъ это дѣлаютъ женщины. Тонкія и нѣжныя волоконца льна, почти такія же тонкія, какъ волоконца ваты, женщины скручиваютъ плотно и свиваютъ. Получается одна сплошная длинная нить.

Возьмите и вы для пробы кусокъ ваты, вытяните изъ нея тонкій жгутикъ, скрутите его между пальцами или на ладони,—вотъ вамъ подобіе нити, которую дълаетъ деревенская или фабричная пряха. Деревенская—въ рукахъ или на само-прялкъ, а фабричная—на прядильной машинъ.

Все это фея знала и видала. Нитки тѣ толстыя, грубыя, прочныя, и нужны только такимъ тяжелымъ увальнямъ, какъ люди. А фея—созданіе воздушное, легкое какъ вѣтеръ, и нѣжное какъ облачко. Она не можетъ носить грубыхъ человѣческихъ тканей. Ей нужно что-нибудь такое тонкое, что тоньше комаринаго носа. Тогда она разсмотритъ да пораздумаетъ, нельзя ли и ей научиться прясть такія деликатныя нити, какъ въ этой удивительной сѣти, сплетенной чудовищемъ.

Чудовище это, конечно, противное. Недаромъ люди зовутъ его паукомъ. Но нити его очаровательно тонки, гибки и блестящи. Надо разсмотръть, какъ и изъ чего онъ ихъ дълаетъ.

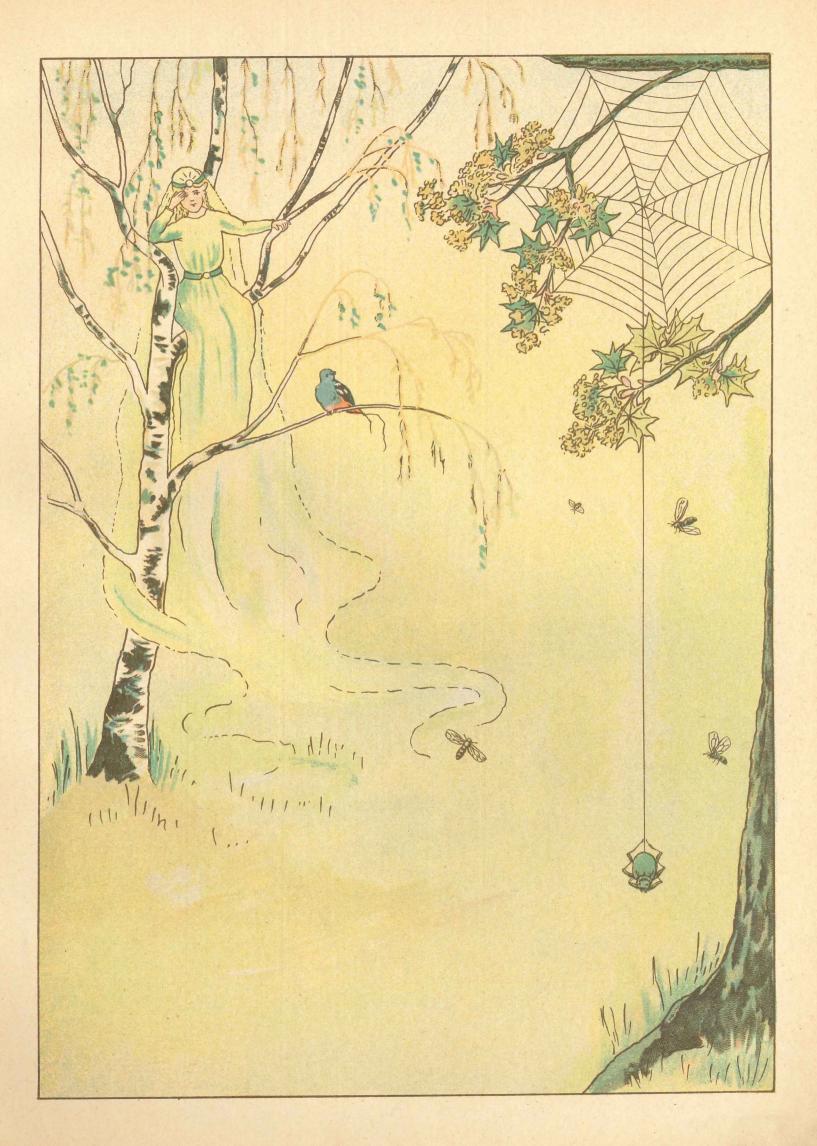
У феи глазки острые, видять все и снаружи, и внутри. Ей не надо увеличительнаго стекла, или зрительной трубы—разсматривать тонкія и скрытыя вещи. Устремила она свой взоръ на паука и наблюдаетъ.

Нить торчить у паука изъ задней части. Точно у него тамъ сзади клубочекъ. Точно онъ разматываетъ его и спускается по ниточкъ все ниже и ниже. Но самый острый глазъ феи не находитъ тамъ никакого клубочка. Правда, если пауку захочется подняться вверхъ, то онъ что-то мотаетъ лапками.

Ба! Да это онъ наматываетъ на лапки свою готовую нить. Нить отъ этого укорачивается, и паукъ поднимается. Если ему опять нужно спуститься, онъ размотаетъ то, что намоталъ на лапки. Но больше у него никакого клубка нътъ нигдъ.

Откуда же онъ беретъ нить? Смотритъ фея своими острыми глазами и видитъ насквозь всего паука. Видитъ, что у него сзади есть паутиная железка. Изъ этой железки сквозь тонкій и узкій каналъ выступаетъ наружу паутинная жидкость. Изъ тонкаго канала она выходитъ тонкой же и струйкой. И какъ только эта струйка вышла изъ тѣла паука на воздухъ, она сейчасъ же затвердѣваетъ и получается въ видѣ нити.

— Вотъ и вся премудрость, —говоритъ фея. Это вродъ какъ слюна у человъка. Она получается изъ слюнныхъ железъ и вытекаетъ въ ротъ тонкой струей. Но вытекаетъ и остается жид-

кой, — такая ужъ природа у слюны. Если бы она затвердъвала при выходъ изъ слюнной железы, какъ паутинная жидкость, то человъкъ могъ бы тянуть изо рта длинныя нити.

Не диво и то, что жидкость, выйдя изъ тѣла, затвердѣваетъ. Это въ такомъ же родѣ, какъ кровь у человѣка. Въ тѣлѣ она жидкая. Порѣжешь палецъ, она вытекаетъ изъ ранки тоже жидкая. Но скоро на воздухѣ застываетъ. Застывшая кровь закупориваетъ ранку какъ пробкой и мѣшаетъ вытекать свѣжей крови. Только кровь человѣка застываетъ не такъ быстро, какъ паутинная жидкость. А застывши не дѣлается такой прочной и тягучей, какъ паутина.

Такъ просто и легко выходить это у паука! Не нужно ему ни станковъ прядильныхъ, ни ловкихъ умѣлыхъ рукъ, ни труда. Нужно только начать. Выплюнулъ изъ железы капельку жидкости, и пока она не успѣла застыть, прикрѣпилъ ее къ вѣткѣ дерева, прикрѣпилъ да и бросился оттуда внизъ головой. Выпущенная капелька сама потянетъ изъ нутра паука длинную цѣпь другихъ капелекъ. Всѣ онѣ мигомъ затвердѣютъ и вытянутся въ нить. А на этой нити паукъ повиснетъ, какъ маляръ на веревкѣ, когда онъ бѣлитъ и краситъ домъ.

Нить будеть расти и удлиняться до тѣхъ поръ, пока паукъ будетъ падать. Если онъ ухватится за сучекъ и остановится, то и нить остановится, не будетъ расти. Если сучка нѣтъ, а пауку не хочется больше удлинять нить, онъ схватится за нее задними лапками и держитъ нить. Держитъ и не даетъ ей вытягиваться изъ паутинной железы. Онъ можетъ всю ее намотать на лапки. И тогда будетъ подниматься обратно все выше и выше, пока не окажется опять на той вѣткѣ, съ которой онъ началъ спускаться. Такъ поднимается противъ теченія судно, пока наматываютъ воротомъ канатъ, привязанный къ якорю, который далеко впереди опущенъ на дно рѣки.

Все это фея сейчасъ же сообразила. Но ей хотѣлось самой посмотрѣть, какъ паукъ изъ своихъ нитей дѣлаетъ сѣть, такую правильную, фигурную и плотную.

Махнула она своей фатой и однимъ махомъ сорвала все тканье паука. Сорвала и ждетъ.

Паукъ намоталъ себъ на лапки остатокъ нити и полъзъ опять на вътку. Долго онъ здъсь размышлялъ и отдыхалъ и, наконецъ, приступилъ къ работъ. Прикръпилъ онъ конецъ нити у верхней вътки и съ нею тотчасъ спустился на нижнюю. Здёсь онъ закрёпилъ другой конецъ. Первая нить была готова. Потомъ опять полъзъ на верхнюю вътвь, спустился на нити пониже и сталъ на ней качаться. Вътеръ подхватилъ его и откачнулъ подальше. Такъ ему удалось уцёпиться за боковую вътвь и здъсь тоже закръпить второй конецъ второй нити. Получились двъ нити, которыя пересъкались на крестъ: Теперь уже было просто. Опять паукъ лѣзъ на верхнюю вътку, опять спускался внизъ, покачиваясь на ниткъ. И гдъ бы онъ ни спускался, вездъзадъвалъ за натянутыя накрестъ нити. Онъ шелъ по этимъ нитямъ и зацеплялъ второй конецъ третьей и четвертой нити у самой ихъ середины. Тогда получалась фигура такая: Наконецъ, отъ средины онъ спустился на нити еще разъ 🥕 внизъ и получилась звъзда въ семь лучей: Главное было сдълано. Опять пошелъ паукъ въ средину •и началъ по этимъ лучамъ описывать круги, вокругъ центра, одинъ, другой, третій, десятый. Пока получилась съть, большая, ръдкая, но правильная съть.

Рыбакъ закидываетъ съти для рыбы. Птицеловъ ставитъ съть для птицъ. И паукъ ставитъ свои съти также для ловли. Но ловитъ онъ въ нихъ только мухъ да разныхъ мелкихъ насъкомыхъ. Крупное насъкомое прорветъ его съть и улетитъ. А когда попадетъ муха, она прилипнетъ къ съти и затрепещетъ. Съть задрожитъ. Паукъ виситъ на нити внизу, чувствуетъ какъ съть дрожитъ и понимаетъ, что это дрожитъ его добыча. Мигомъ онъ поднимается къ съти на своей нити и быстро обволакиваетъ этой нитью свою плънницу.

Теперь ей уже не вырваться. Хищникъ очень доволенъ. Добыча въ его рукахъ. Недолго думая, онъ тутъ же усаживается и высасываетъ ее цъликомъ. Потомъ спускается опять и опять ждетъ.

ВЕСНА ПРИШЛА.

Въ городъ стало душно и пыльно. Въ воздухъ пахнетъ хлъвомъ. Ъдкій запахъ навоза забирается въ комнаты чрезъ открытыя окна. На улицъ противная мелкая пыль залъпляетъ носъ и глаза. Въ садахъ и скверахъ распустилась всякая зелень. Но ее покрыла уличная пыль и сдълала сърой. Стоятъ кусты и деревья, словно золой посыпаны. Смотришь на нихъ и дивишься, есть ли гдъ-нибудь на свътъ чистое, яркое и свъжее зеленое царство.

Есть такое царство вездъ. Только изъ города нужно выъхать подальше. Всъ дороги ведутъ въ городъ. По всякой такой дорогъ можно и выъхать изъ города. И вездъ увидишь свъжую изумрудную травку, пестрые разноцвътные цвъточки и чистый пахучій прохладный лъсъ.

Повдемъ и мы.

Бѣжитъ дорожка извиваясь. То взберется на холмикъ, то спустится въ лощинку. Люди посыпали ее желтымъ песочкомъ, чтобы грязно не было и лошадямъ легче бѣгать. Долго ли, коротко ли ѣдемъ, про то знаютъ лошади да ихъ усталыя ноги. А мы зѣваемъ по сторонамъ. Вдыхаемъ ароматы весны, любуемся всѣмъ, что попадается на пути. И вдругъ...

Вдругъ, какой прелестный уголокъ! Бросимъ свою повозку. Сойдемъ на землю и будемъ здѣсь отдыхать и наслаждаться. Направо у самой дороги лежитъ неподвижно большой булыжникъ. Лежитъ онъ здѣсь много сотенъ лѣтъ. Но ничего не чувствуетъ и не замѣчаетъ. Ляжемъ мы подъ его тѣнью и будемъ замѣчать. Для этого намъ и разумъ данъ.

Въ его тъни пріютились также большія перистыя вайи папоротника. Запахъ у него тяжелый и непріятный. Но какой тонкій и красивый узоръ! Точь-въ-точь оранжерейная пальма. Сиди подъ этимъ папоротникомъ цълое лъто, или ходи къ нему каждый день. Никогда не увидишь, чтобы онъ зацвълъ и далъ хоть одинъ маленькій, хоть негодненькій цвътокъ. И только

старыя няньки вруть, что папоротникъ цвътетъ ночью, и что цвътокъ его—волшебный.

Направо отъ папоротника подъ самой березой цвѣтетъ вѣтренница, анемона, нѣжный бѣленькій цвѣтокъ. Нѣжные лепестки на тонкомъ стебелькѣ трепещутъ отъ малѣйшаго вѣтерка. Оттого и прячется она всегда въ лѣсной тиши.

Стволъ березы покрыли длинныя лапы туйи, въчнаго дерева. Оно хорошо переносить нашу зиму и, посаженное въ Петербургъ, вырастаетъ небольшимъ деревцомъ. Но само въ нашихъ холодныхъ лъсахъ не разрастается.

Вдали—цълая роща цвътущихъ яблонь. Какъ молокомъ облиты онъ бълорозовымъ цвътомъ. Такъ много этого цвъту, что молодые маленькіе листочки совсъмъ прячутся въ цвътахъ и издали не видны. А запахъ! Какой чудный стоитъ здъсь ароматъ отъ этой яблоневой рощи! Дышишь этимъ ароматнымъ воздухомъ и не можешь надышаться!

Повъетъ отъ насъ легкій вътерокъ, и всъ запахи куда-то исчезнутъ. Это онъ унесъ ихъ отъ насъ въ противную сторону. Но вдругъ онъ снова пахнетъ намъ навстръчу. И цълыя волны теплаго, тонкаго и нъжнаго аромата такъ и ударятъ намъ въ лицо. Обдадутъ насъ со всъхъ сторонъ, и мы утонемъ на нъсколько минутъ въ этихъ усладительныхъ, оживляющихъ воздушныхъ волнахъ.

Да. Только здѣсь можно почувствовать всю прелесть весны. Только здѣсь можно понять, сколько даровъ приноситъ намъ природа, и какъ рѣдко умѣемъ мы пользоваться ими въ полной мѣрѣ. Въ рукахъ человѣка всѣ эти дары. Онъ можетъ насадить садъ изъ яблонь, можетъ и погубить эти насажденія. Заботливый человѣкъ насаждаетъ и наслаждается. А беззаботный, либо несчастный, самъ уходитъ отъ этихъ прелестей. Будемъ же мы наслаждаться хоть тѣмъ, что сдѣлали за насъ (но не для насъ) другіе люди, когда разводили этотъ очаровательный садъ.

Сзади за нимъ синъется дремучій лъсъ. Его нарочно оставили нетронутымъ вблизи сада. Онъ будетъ задерживать суровые и губительные вътры и защищать отъ нихъ нъжный

и зябкій цвѣтъ яблонь. Въ такой суровой странѣ, какъ наша, яблони могутъ давать хорошій сборъ яблокъ только подъ хорошей защитой.

Но чу! Надъ самой головой у насъ раздается громкое протяжное: куку-куку-куку! Мы поднимаемъ голову и видимъ, кто это такъ кричитъ. Это кукушка. Большая, сърая, полосатая птица, величиной съ сороку. Сидитъ прочно на березовомъ суку, крыльями помахиваетъ и продолжаетъ: куку-куку-куку! И такъ подрядъ безъ отдыха разъ тридцать, а то и сорокъ! Какъ только не надоъстъ ей! Отдохнетъ немного, а потомъ опять: куку-куку-куку!

Всякая птица поетъ по-своему. Соловей—соловьемъ свистить, а чижикъ—чижикомъ. Иначе поетъ жаворонокъ, и совсѣмъ иначе канарейка. Когда мы попадаемъ въ лѣсъ, тамъ стонъ стоитъ отъ разныхъ птичьихъ голосовъ. Всѣ они сливаются въ одинъ хоръ, и мы не замѣчаемъ, кто по-каковски поетъ. Но вдругъ раздается громкое и протяжное «куку». Оно пронизываетъ лѣсъ издалека и покрываетъ всѣ другіе голоса. Въ тихій весенній вечеръ или утромъ на восходѣ солнца мы слышимъ этотъ звукъ за версту, а то и больше. Лѣсное эхо передаетъ его намъ усиленнымъ, и громкій крикъ кукушки можетъ наполнить собою цѣлый лѣсъ. И когда не видишь самой птицы, кажется, что это самъ лѣсъ радостно стонетъ и провозглашаетъ весну ликующими звуками: кукукукуу-куку.

Вотъ какая интересная птица кукушка! Во всѣхъ лѣсахъ это она дѣлаетъ весну. Безъ нея лѣсъ стоялъ бы угрюмый и почти молчаливый. Щебетанье всѣхъ мелкихъ пташекъ не громко и не отчетливо. Можно ходить по лѣсу и не замѣчать его. Но лишь только раздастся громкое: «ку-ку», его нельзя не замѣтить.

Но кукушка интересна не только своимъ крикомъ. Всякая птица вьетъ гнѣздышко, имѣетъ свой домикъ, гдѣ можно отдохнуть ночью и укрыться въ непогоду днемъ. Въ немъ она выращиваетъ дѣтокъ, выкармливаетъ ихъ, обогрѣваетъ, защищаетъ отъ враговъ, учитъ летать и заба-

вляется съ ними. Всякая птица имѣетъ такой домикъ. Только не кукушка. У кукушки нѣтъ ни дома, ни семьи. Она не трудится для устройства гнѣзда и не заботится о своихъ дѣткахъ.

Какъ и всѣ птицы, она несетъ яйца, но несетъ ихъ въ чужія гнѣзда. Ей все равно, въ чье гнѣздо снести яйцо. Кто наблюдалъ за кукушкой, тотъ видалъ ея яйца въ гнѣздахъ семидесяти разныхъ птицъ, а то и болѣе.

Летаетъ кукушка по лѣсу и высматриваетъ. Замѣтитъ чье-нибудь гнѣздо и подлетитъ къ нему. Если гнѣздо занято хозяйкой, кукушка будетъ сидѣть возлѣ и ждать. Если ей въ это время придетъ пора нестись, она снесетъ яйцо прямо на землѣ возлѣ чужого гнѣзда. И затѣмъ опять будетъ ждать. Какъ только хозяйка слетитъ съ гнѣзда погулять, либо поохотиться, кукушка беретъ свое яйцо клювомъ и осторожно переноситъ въ освободившееся гнѣздо. Сдѣлавши свое дѣло, она улетаетъ и больше не думаетъ о своемъ яйцѣ.

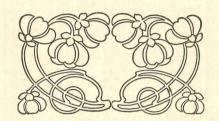
А птичка, погулявши, опять прилетить въ свое гнѣздо, садится въ него и не замѣчаетъ, что ей кто-то подбросилъ новое яйцо. Рядомъ съ нимъ она снесетъ еще нѣсколько своихъ и затѣмъ начинаетъ насиживать.

Кукушка же опять летаетъ по всему лъсу да весело кукуетъ. А какъ только почувствуетъ въ себъ новое яйцо, опять начинаетъ искать да высматривать. Найдетъ другое гнъздо, все равно чье, на этотъ разъ пустое, усядется въ него и снесетъ новое яйцо. Еще позавчера она спровадила свое яйцо въ гнъздо жаворонка. А сегодня подбросила его соловью. Въ слъдующій разъ подброситъ, можетъ быть, овсянкъ.

И кому бы она ни подбросила, чужая мать принимаеть такого подкидыша и ухаживаеть за нимъ, какъ за своимъ собственнымъ. Когда же изъ него выйдетъ птенецъ, она кормитъ его наравнъ со своими дътьми. А тотъ не чувствуетъ за это никакой благодарности и поступаетъ съ ея дътьми, какъ настоящій разбойникъ. Онъ растетъ быстро, становится сильнъе ихъ и выпихиваетъ ихъ вонъ изъ гнъзда. И такого неблаго-

дарнаго и жестокаго пріемная мать все-таки продолжаеть кормить одного, пока онъ вырастеть!

Вотъ какая безсовъстная и злая птица наша веселая кукушка. Но для человъка она очень полезна, потому что истребляетъ множество вредныхъ насъкомыхъ.

добрыя и злыя феи.

Вышель маленькій принць въ садъ погулять. Разодѣтый словно куколка, хорошенькій, какъ ангелочекъ. Вышель онъ съ мамками и няньками, которыя стерегли его, ходили за нимъ неотступно и поминутно ворчали:

- Этого нельзя, принцъ!
- Принцъ, это папа запретилъ трогать!
- Вы еще маленькій, принцъ. Вамъ рано задавать такіе вопросы. Подрастете, узнаете.

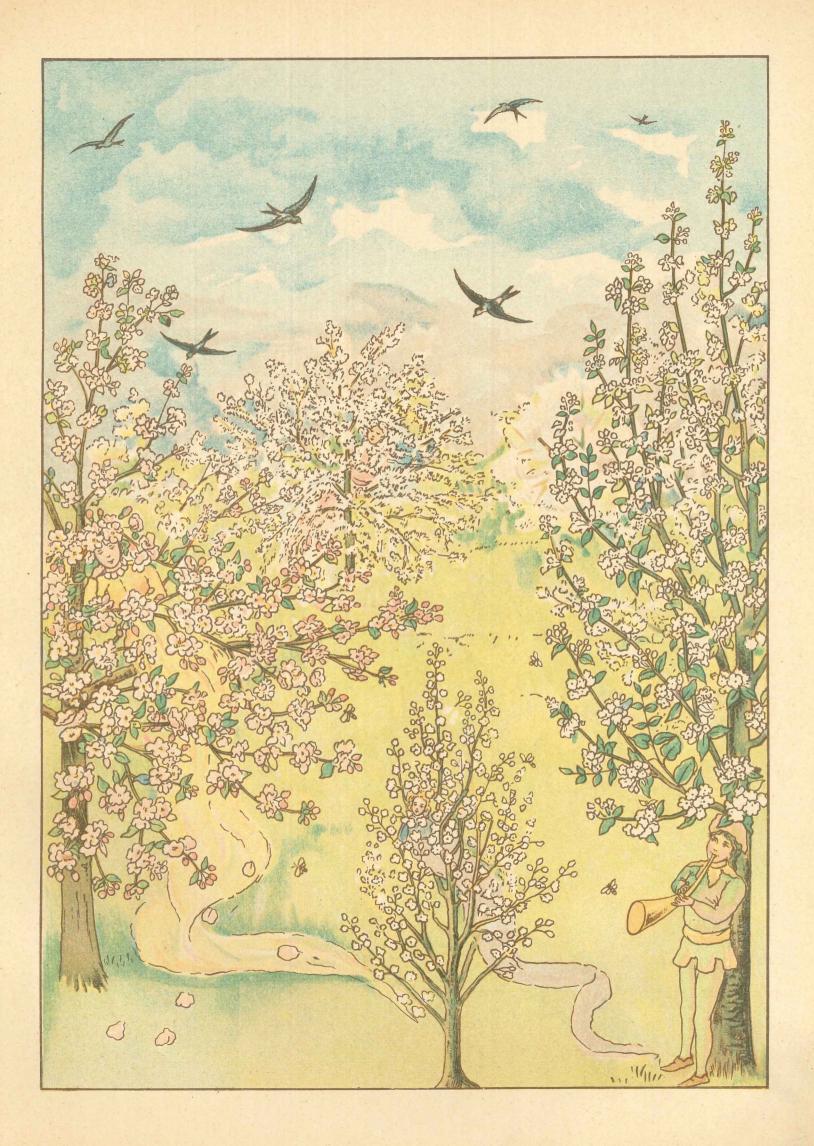
И ходилъ принцъ по саду каждый день со своими няньками и мамками, скромный да тихій. Ничего онъ не зналъ, ничего не понималъ и ничего не замъчалъ. Замъчалъ онъ только одно: ходить или гулять нужно такъ, чтобы понравиться нянькамъ да мамкамъ.

Также чинно вышелъ принцъ въ садъ и сегодня. Съ собой онъ несъ большой охотничій рогъ. Но играть въ него няньки да мамки запрещали. Онъ не любили большого шума и потому говорили принцу, что это ему будетъ вредно.

Принцъ шелъ впереди, а няньки да мамки сзади. Шли да другъ о дружкъ сплетничали. И такъ онъ увлеклись этимъ дъломъ, что не замътили, какъ принцъ ушелъ далеко впередъ. Ушелъ онъ и оглянулся. За поворотомъ дорожки никого не было видно.

Принцу такъ захотълось погулять хоть одинъ разокъ на полной волъ и просторъ. Постоялъ онъ минутку, подумалъ и пустился впередъ бъгомъ. Бъгалъ онъ прямо, бъгалъ и вкось. Бъгалъ по дорожкамъ и безъ дорожекъ, бъгалъ ровно, бъгалъ и скачками, въ припрыжку. И даже кубаремъ катался. Наконецъ, онъ очутился въ самой задней части сада и ахнулъ.

Тутъ стояли однъ только яблони, груши и вишни, стояли въ полномъ цвъту и въ такомъ роскошномъ уборъ, какого раньше онъ никогда не видывалъ. Можетъ быть и видывалъ, да не замъчалъ.

— Рано еще вамъ, принцъ, говорили мамки.

И стало ему здѣсь, въ этомъ морѣ цвѣтовъ, такъ радостно да весело. Радостно отъ того, что никто ему здѣсь не мѣшаетъ. Весело отъ того, что онъ можетъ здѣсь дѣлать все, что захочетъ.

— Вотъ возьму, думаетъ онъ, да и затрублю въ рогъ. Возьму и прислонюсь къ дереву,—пускай пачкается мой кафтанчикъ!

И онъ тотчасъ же сталъ вплотную подъ грушевымъ деревомъ и затрубилъ въ рогъ во всю мочь.

Садъ былъ очень большой. Няньки да мамки были въ другомъ концъ. Тамъ онъ громко спорили о томъ, кто изъ нихъ больше заслуживаетъ награды за свои труды. И потому не слыхали, какъ трубилъ принцъ.

А онъ трубилъ все громче да громче.

- «Трамъ-тамъ-тамъ. Трамъ-тамъ», неслось по саду.
- Тамъ-тамъ, отзывалось вездъ эхо раскатисто и звучно.

Въ этой части сада всегда было тихо. Постороннихъ никого не пускали, а рабочимъ строго было запрещено разговаривать громко промежъ себя.

Неподалеку гуляли въ тиши однѣ только добрыя феи. Услыхали онѣ громкіе призывные звуки, слетѣлись и разсѣлись возлѣ принца на всѣхъ деревьяхъ. Смотрятъ на него, любуются и слушаютъ. А принцъ громко заливается:

«Трамъ-тамъ-тамъ-трамъ!»

Наконецъ, ближайшая фея спрашиваетъ принца:

- Скажи намъ, мальчикъ, отчего ты такъ весело трубишь?
- Радостно мнѣ, отвѣчаетъ принцъ, оттого и трублю. А радостно потому, что хорошо здѣсь у васъ, и что всѣ вы такія добрыя.
 - Почему же мы добрыя, спрашиваетъ фея?
- Да такъ. Сидите на деревъ, свободно качаетесь, цвъты обрываете, росой обливаетесь, другъ съ другомъ не ссоритесь и мнъ ничего не запрещаете.

Засмъялись феи. И говоритъ ему вторая.

- Иди и ты къ намъ на дерево. Обрывай лепестки сколько хочешь. Ихъ здѣсь очень много. Садъ уже отцвѣтаетъ, и они больше ни на что не нужны.
- Нѣтъ, отвѣчаетъ принцъ. Лазить по деревьямъ мнѣ запрещено строго-на-строго. Это, говорятъ, не соотвѣтствуетъ моему достоинству или званію, я не пойму хорошенько, чему не соотвѣтствуетъ. А лепестки... я вѣдь не знаю, что такое лепестки и кому и для чего они бываютъ нужны.
- Какъ, ты не знаешь лепестковъ? вскричала самая бойкая фея. «Вотъ же тебъ, вотъ же тебъ»! И съ этими словами она сильно тряхнула яблоню, на которой сидъла.

Съ нея, точно снъгъ, такъ и посыпались бълорозовые листики.

Принцъ смотрълъ во всъ глаза и не понималъ, отчего они осыпаются и что будетъ съ деревомъ, если все оно осыплется.

- Я думалъ, говоритъ принцъ, что яблони цвътутъ все лъто.
- Ты хорошо думалъ, отвъчала фея, но не върно, потому что многіе цвъты, дъйствительно, цвътутъ все лъто. Но почему же твои мамки не научатъ тебя думать правильно?
- Мамки говорятъ, что я еще маленькій, и что я все узнаю, когда выросту.
- Какія глупыя, и какія лѣнивыя твои мамки, отвѣчала бойкая фея! Такой большой мальчикъ, который умѣетъ думать, можетъ уже все знать о деревьяхъ, объ ихъ цвѣтахъ и плодахъ. Вотъ смотри, поймешь ли ты меня.

Съ этими словами фен сошла съ дерева на землю и подошла къ принцу съ цвѣткомъ въ рукѣ?

— Вотъ видишь, это бѣлорозовые лепестки. Ихъ пять. Они очень нѣжны и тонки, и когда цвѣтокъ отцвѣтаетъ, сами обваливаются. Возьми-ка, потрогай.

Принцъ взялъ лепестокъ осторожно двумя пальчиками. Онъ оторвался отъ цвътка и остался у него въ рукъ.

— Такъ мы оборвемъ всѣ остальные,—продолжала фея. И съ этими словами оторвала оставшіеся четыре лепестка.

- Теперь видишь, ниже лепестковъ, пять узенькихъ зе-Это листочковъ. листочки чашечки, или чашеленыхъ листики. Затъмъ, въ срединъ осталось много ниточекъ съ головками. Это-тычинки. Головка же, это-малюсенкая коробочка, набитая пылью, и называется просто: пыльникъ. Если мы оборвемъ всв эти нити тычинокъ, у насъ останется въ самой сердцевинъ нъсколько столбиковъ. Это столбики пе-Каждый столбикъ выходитъ стика. изнутри съмечка, которое сейчасъ очень маленькое и скрыто внутри чашечки. А внутри яблока ты самъ видалъ эти съмечки.

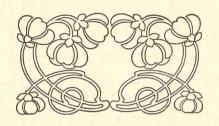
Въ пыльникъ находится плодотворная пыль, и ея тамъ очень много. Вотъ, смотри. Фея сорвала при этомъ новый цвътокъ и понюхала его. Принцъ посмотрълъ на нее и увидалъ, что кончикъ ея носа покрылся пыльцей. Это показалось ему очень забавнымъ, и онъ звонко засмъялся.

— Видишь, сколько пыли въ пыльникахъ. Нужно, чтобы эта плодотворная пыль попала съ одного цвѣтка на другой. Тогда она опылитъ его и оживотворитъ маленькія сѣмечки. Послѣ этого опыленія сѣмечки начнутъ расти крупнѣе и крупнѣе, а вмѣстѣ съ сѣмечками и всѣ наружныя части, которыя сдѣлаются потомъ мясистыми, сочными и вкусными. Это и есть яблоки. А если опыленія не произошло, то цвѣтокъ засохнетъ и яблоко не вырастетъ. Чтобы ты повѣрилъ мнѣ, я вотъ что сдѣлаю.

И фея быстро оторвала кусокъ кисеи отъ своего длиннаго шлейфа и завернула въ нее одну вътку яблони съ цвътами.

- Теперь, говорить она, на эту вътку не могуть състь пчелы, которыя, видишь, летають кругомъ. Онъ-то и переносять плодотворную пыль съ цвътка на цвътокъ. Приходи сюда ровно черезъ недълю. Всъ яблони отцвътутъ. Развяжи самъкисею и замъть эту вътку красной ниточкой. На всъхъ другихъ будутъ яблоки къ осени, а на этой ни одного!
- Понялъ ли ты теперь, кому и для чего нужны цвъты? Но не успълъ принцъ отвътить на этотъ вопросъ, какъ вблизи раздались голоса нянекъ и мамокъ. Онъ искали его по всему саду и шли теперь сюда.

Всѣ добрыя феи въ одинъ мигъ исчезли. А принцъ грустно побрелъ домой. И дорогой молчаливо выслушивалъ упреки за самовольную отлучку и за то, что сорвалъ вѣточку вишни съ цвѣтами. А сдѣлалъ онъ это для того, чтобы дома разобрать ихъ и разсмотрѣть, какъ они устроены.

БЪЛКА ГРЫЗУНОКЪ И ПЕСТРЫЙ ДЯТЕЛЪ.

В СЯКОЕ животное, какъ и человъкъ, ъсть хочетъ. И всякому животному приходится самому разыскивать для себя объдъ и ужинъ. И нужно это каждый день, а то придется умирать съ голоду. Въ лъсу и въ полъ по цълымъ днямъ бродятъ они, бъгаютъ или летаютъ, пока найдутъ, кому что требуется, и насытятся. А требуется всякому животному особый кормъ: волку нужно мясо, коровъ—съно, а воробью—зерно.

Мы вышли на лѣсную поляну. На ней стоитъ кедровое дерево. Стоитъ оно такое высокое, превысокое, что на картинѣ трудно его помѣстить цѣликомъ. Помѣстить съ корнями,— вершины не видно. А помѣстить вершину—корней не видать. Подъ нимъ пріютилась молодая рябинка. Теперь она цвѣтетъ и вся покрыта широкими, бѣлыми, пахучими кистями цвѣтовъ.

А на кедрѣ, на толстомъ суку, усѣлась какъ въ креслѣ маленькая бѣлочка. Мордочка у нея тоненькая, зубки вострые, превострые. Усы длинные, какъ у кошки. Сидитъ, большимъ пушистымъ хвостикомъ подпирается. А въ переднихъ тонкихъ лапкахъ держитъ большую кедровую шишку.

Зовутъ ее бълкой, а сама она вся рыженькая. Это отъ того, что теперь льто, а льтомъ всь бълки рыжьютъ и буръютъ отъ солнца.

Зимой же всѣ бѣлки становятся бѣло-сѣрыми. Тогда за ними охотятся. Ихъ шкурки даютъ мягкій бѣличій мѣхъ, и изъ этого мѣха дѣлаютъ шубы.

Наша бѣлка только что сорвала одну кедровую шишку. На деревѣ ихъ виднѣется еще штукъ пять. Шишки эти толстыя и большія. Онѣ похожи на сосновыя шишки, но гораздо больше ихъ. И дерево кедровое похоже на сосну. Только листья его или иглы (хвоя)—гораздо длиннѣе, чѣмъ у сосны. Растетъ это дерево въ холодныхъ странахъ. Въ Сибири его очень много, отчего и кедръ называется сибирскимъ. А въ Петербургѣ его

можно видъть на островахъ и въ Ботаническомъ саду. Но тамъ оно не само выросло, а посажено людьми.

Посмотрите, какая огромная кедровая шишка. Она величиной съ голову бълки. Но бълка ловко держитъ ее въ своихъ тонкихъ переднихъ лапкахъ. А длинными передними зубками выколупываетъ изъ нея орѣшки. Орѣшки эти прячутся подъ чешуйками шишки и снаружи ихъ не видно. Но бълка умѣетъ найти ихъ. Она обламываетъ жесткія чешуйки и бросаетъ ихъ на землю, а орѣшки—въ ротъ.

Любить она эти орѣшки. Грызеть ихъ съ наслажденіемъ. И такъ быстро управляется съ шишкой, только чешуйки летять!

Ну, а не найдетъ кедроваго дерева, тогда ищетъ чегонибудь другого. Поъдаетъ разныя зерна, съмена и почки, ъстъ также и овощи, и даже охотится за птичьими яйцами и вытаскиваетъ птенчиковъ изъ гнъзда. Иногда лътомъ бълокъ такъ много появляется, что онъ бъгаютъ среди деревни. Тогда онъ забираются въ огороды и въ кладовыя, и тамъ лакомятся всъмъ, что найдутъ себъ по вкусу.

Теперь нашъ звърекъ сидитъ на деревъ очень покойно. Обчиститъ всю шишку, и сытъ! Шишку онъ броситъ на землю, а самъ уйдетъ въ укромное мъстечко и спитъ. У него есть свой домикъ, и онъ самъ устраиваетъ его. Выберетъ себъ дупло, т. е. дерево пустое внутри, тамъ устроитъ мягкую постельку изъ листьевъ и мху, и живетъ какъ мы въ домъ: и тепло, и сухо!

А не найдеть бѣлка пустого дерева, тогда устроить гнѣздо открыто. Набереть вѣтокъ и разложить ихъ на широкихъ и прочныхъ сучьяхъ дерева. Выйдетъ гнѣздо, точно у вороны. А то возьметъ себѣ готовое воронье гнѣздо, если хозяева—вороны бросили это гнѣздо навсегда. Тогда бѣлка наноситъ сюда мху и травы. Устроитъ изъ нихъ подстилку и крышу поплотнѣе, чтобы дождемъ не мочило, и живетъ здѣсь со своей подружкой и дѣтками.

Дътей же у бълки бываетъ много, какъ и у кошки. И появляются они дважды въ годъ. Оттого въ одномъ гнъздъ можетъ оказаться большая семья, и всю эту семью нужно чъмъ-нибудь

кормить. Самыя маленькія сосуть мать, какъ и всѣ дѣтеныши. А кто подрастаетъ, тому также хочется орѣшковъ.

Бѣгать же имъ, маленькимъ, за орѣшками, охъ, какъ опасно. Гдѣ-нибудь ужъ сидитъ ворона и караулитъ. Она страшно любитъ всякихъ маленькихъ дѣтенышей и птенцовъ. Не успѣетъ онъ вылѣзти изъ теплаго гнѣзда и оглянуться, какъ ворона его—цапъ-царапъ, и скушаетъ живьемъ.

Бълочка мать умная. Она знаетъ это и не пускаетъ своихъ дътей изъ гнъзда. А чтобы имъ не было голодно, она сама заготовляетъ кормъ для нихъ. Когда оръховъ много, она собираетъ ихъ и носитъ къ себъ въ гнъздо, какъ въ кладовую. Настанетъ зима студеная. Въ лъсу и холодно, и голодно. И сидитъ себъ бълка въ своемъ гнъздъ безвыходно. Запасовъ у нея много. И тепло ей, и сытно.

А придетъ опять лѣто, бѣлка всюду бѣгаетъ и вездѣ находитъ для себя кормъ. Тогда запасы ея служатъ для малышей, которымъ выходить на охоту страшно, а ѣсть хочется,

Такъ и живетъ бълка все время на деревъ. Привыкла она къ дереву и среди вътокъ порхаетъ какъ птичка. Крыльевъ у нея нътъ и летать она не можетъ. Если оборвется, то упадетъ на землю и расшибется. Но она не оборвется. Лапки у нея цъпкія. Когти на нихъ вострыя. Вонзитъ она ихъ въ дерево, и кръпко держится.

На деревъ ей все привычно. По сучкамъ она бъгаетъ какъ мальчикъ по тропинкамъ, ловко, проворно и быстро. А когда ей нужно перейти съ дерева на дерево, она не сходитъ на землю. Она такъ сильно прыгнетъ, что перескочитъ, точно птица порхнетъ. Въ этотъ мигъ ей очень полезенъ ея огромный пушистый хвостъ. Онъ топорщится и, точно крыло у птицы, поддерживаетъ бълку на воздухъ.

Любо смотръть, какъ бълки бъгаютъ по дереву, и какъ храбро онъ бросаются съ одной вътки, чтобы попасть на другую—далекую. Летитъ она тогда, какъ птица, хоть и безъ крыльевъ.

А теперь сидить она на дерев и спокойно всть орвшки. Сидить, а сама по сторонамь зорко посматриваеть и чуткимъ

ухомъ прислушивается. Не раздастся ли гдѣ опасный и тревожный шорохъ. Если мы подкрадемся къ ней незамѣтно, то можемъ срисовать ее себѣ въ книжку. А если вспугнемъ, то она положитъ шишку къ стволу дерева, прыгнетъ повыше и будетъ озираться на насъ. Если мы станемъ бросать въ нее камнемъ, либо старыми шишками, она быстро уйдетъ, и мы не замѣтимъ куда. Сама она рыженькая, и стволъ дерева такой же. Она прыгнетъ повыше, прижмется къ стволу, и сидитъ—не шелохнется. Тогда самый зоркій глазъ не различить ее отъ дерева.

Поймать ее живьемъ трудно. А взять въ руки очень опасно. Зубки ея очень острые, и она такъ укуситъ, что долго не забудешь.

Но если мы найдемъ гнѣздо бѣлки съ дѣтенышами, и возьмемъ одного домой на воспитаніе, то онъ скоро сдѣлается ручнымъ. Его легко выкормить, сначала молокомъ, потомъ зернами и орѣхами. Но когда онъ вырастетъ, онъ опять будетъ злой. Ему опять захочется въ лѣсъ и на свободу. Въ неволѣ онъ очень страдаетъ, оттого и сердитъ. Неволя-то вѣдь никому не мила!

Пониже бълки висить, прижавшись къ дереву, красноголовая, красивая птичка. Это—пестрый дятелъ. Сидить онъ не на въткъ, не на суку и не на жердочкъ. Онъ уцъпился прямо за кору кедроваго дерева, висить на своихъ ножкахъ и прекрасно держится. Когти его—какъ будто крючья: острые, длинные и цъпкіе. А пальцы на лапкахъ такъ устроены, что два торчатъ впередъ, а два назадъ. Оттого онъ умъетъ такъ ловко цъпляться за дерево. За то по землъ ходитъ да спотыкается. Ни одна птица, кромъ дятла, такъ хорошо не цъпляется.

Что же онъ тутъ дълаетъ на деревъ?

Онъ воткнулъ въ кору дерева свой острый какъ шило носъ и чего то ищетъ. Конечно, онъ хочетъ всть и ищетъ тамъ корму. Но ищутъ вездв и всв другія птицы. Одинъ дятелъ не только ищетъ, но и самъ добываетъ. Не легко ему достается это. Онъ дерева не встъ, и кора ему тоже не нужна. Зато онъ больше

всего любитъ всякихъ насъкомыхъ: жучковъ, мошекъ, бабочекъ и ихъ червячковъ—личинокъ.

Но найти насъкомыхъ не легко. Если бы стали искать ихъ мы, то взяли бы ножъ и расковыряли кору. У дятла нътъ ножа. Но его носъ—такой же острый. И онъ долбить имъ, какъ мы топорикомъ. Сидитъ и долбитъ.

И сами насѣкомыя, и яйца ихъ, и куколки часто прячутся въ трещинахъ коры. А многія личинки тамъ всегда и живутъ. Все это дятель отлично знаетъ и по цѣлымъ днямъ ихъ разыскиваетъ. Онъ очень прожорливъ. Корму ему нужно много. И онъ цѣлый день только и дѣлаетъ, что долбитъ кору и дерево. Только щепки летятъ во всѣ стороны.

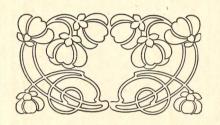
Ни одно насѣкомое здѣсь отъ него не спрячется. Зорко онъ смотритъ. И какъ только увидитъ слѣды насѣкомаго, сейчасъ добудетъ его. Сначала онъ только постукиваетъ по дереву. Шустрыя насѣкомыя пугаются этого стука, вылѣзаютъ и разбѣгаются. Онъ ихъ караулитъ и ловитъ. Стучитъ онъ съ одной стороны дерева, а насѣкомыя пугаются и на другой. Онъ это знаетъ и поминутно бѣгаетъ кругомъ дерева—посмотрѣть, не показался ли тамъ кто-нибудь. Онъ такъ хорошо держится за дерево, что бѣгаетъ уцѣпившись за него какъ по полу. Бѣгаетъ проворно, а самъ виситъ хвостомъ внизъ.

Дятель—очень забавная и красивая птица. Всегда веселая, неугомонная, и всегда что-нибудь дълаеть. Или бъгаеть, или долбить. И при этомъ часто покрикиваеть: «кикъ», «квикъ»!

Любимая его пища—насѣкомыя. Но ихъ все-таки ему не хватаетъ. И онъ не брезгаетъ разными сѣменами и плодами. Особенно же любитъ орѣхи и жолуди. Оттого и сидитъ онъ здѣсь на кедрѣ рядомъ съ бѣлкой. Сначала обыщетъ все дерево и очиститъ его отъ насѣкомыхъ. А потомъ возьметъ орѣшекъ, раздолбитъ скорлупу и ловко вынетъ оттуда ядро. А то заберется къ намъ въ садъ и будетъ лакомиться вишнями. Косточки ихъ мы бросаемъ, а онъ очень любитъ.

Свое гнъздо дятелъ устраиваетъ въ дуплахъ. А если не найдетъ дупла, то и самъ выдолбитъ носомъ въ деревъ большую дыру. Влъзетъ въ нее и устроится.

Удивительно сильный и острый носъ у него! Попробуйте-ка вы долбить ногтемъ дерево. Скоро вамъ будетъ больно, а дерево останется цълехонько. Дятелъ же долбитъ не пальцемъ, а собственнымъ носомъ и всей головой. Другой не перенесъ бы такой муки, а ему—хоть бы что!

У САМАГО ДОМА.

Выйдя изъ лъса, мы попали прямо въ поле и поняли, что находимся вблизи дома.

Почему мы думаемъ, что здѣсь домъ близко? Налѣво тутъ стоитъ с и р е н ь, направо ч е р е м х а. Черемха растетъ иногда сама въ лѣсу. Но ее очень любитъ человѣкъ за душистый ароматъ. И когда строитъ себѣ домъ, непремѣнно посадитъ черемху поближе. Такой славный у нея запахъ! Да и глазамъ пріятно. Большія бѣлыя пушистыя кисти висятъ такъ густо, что не видно зеленыхъ листьевъ. И все дерево кажется бѣлымъ. Какъ будто его молокомъ облили, или снѣгомъ осыпали. Даже въ сумракѣ весенней ночи издали бѣлѣетъ цвѣтущая черемха. И возлѣ нея самая ночь кажется свѣтлѣе!

А сирень и никогда не растеть въ лѣсу. Она растеть только тамъ, гдѣ посадитъ ее человѣкъ. А человѣкъ сажаетъ ее у самаго дома. Черемха хороша, а сирень еще лучше! Пахучія кисти у ней, и большія, пребольшія! Сами отъ своей тяжести свѣшиваются, и вѣтки гнутся подъ ними. Черемха зацвѣтетъ, и не успѣешь оглянуться, — ужъ отцвѣла. А сирень цвѣтетъ гораздо дольше и дольше утѣшаетъ насъ своимъ ароматомъ.

А туть еще сорока да ворона! Такія ужь это птицы, неразлучныя съ человѣкомъ. Гдѣ стоитъ его жилище, тамъ и онѣ! Невдалекѣ зеленѣетъ большой просторный лѣсъ, изъ котораго мы вышли. Всякая птица можетъ гнѣздиться тамъ, и всѣмъ мѣста хватитъ. А ворона и сорока жмутся ближе къ дому человѣка. Знаютъ, что здѣсь имъ будетъ больше поживы, чѣмъ въ глухомъ и дикомъ лѣсу.

И сорока усѣлась на самую верхушку кола. Тѣсно ей здѣсь, и неудобно. Въ лѣсу много большухъ развѣсистыхъ вѣтвей. Есть гдѣ присѣсть поудобнѣе и отдохнуть безъ тревоги. А она не хочетъ! Пріучаетъ себя нарочно сидѣть гдѣ попало, только бы быть поближе къ человѣку.

Сидить да высматриваеть, чемь бы ейздесь поживиться.

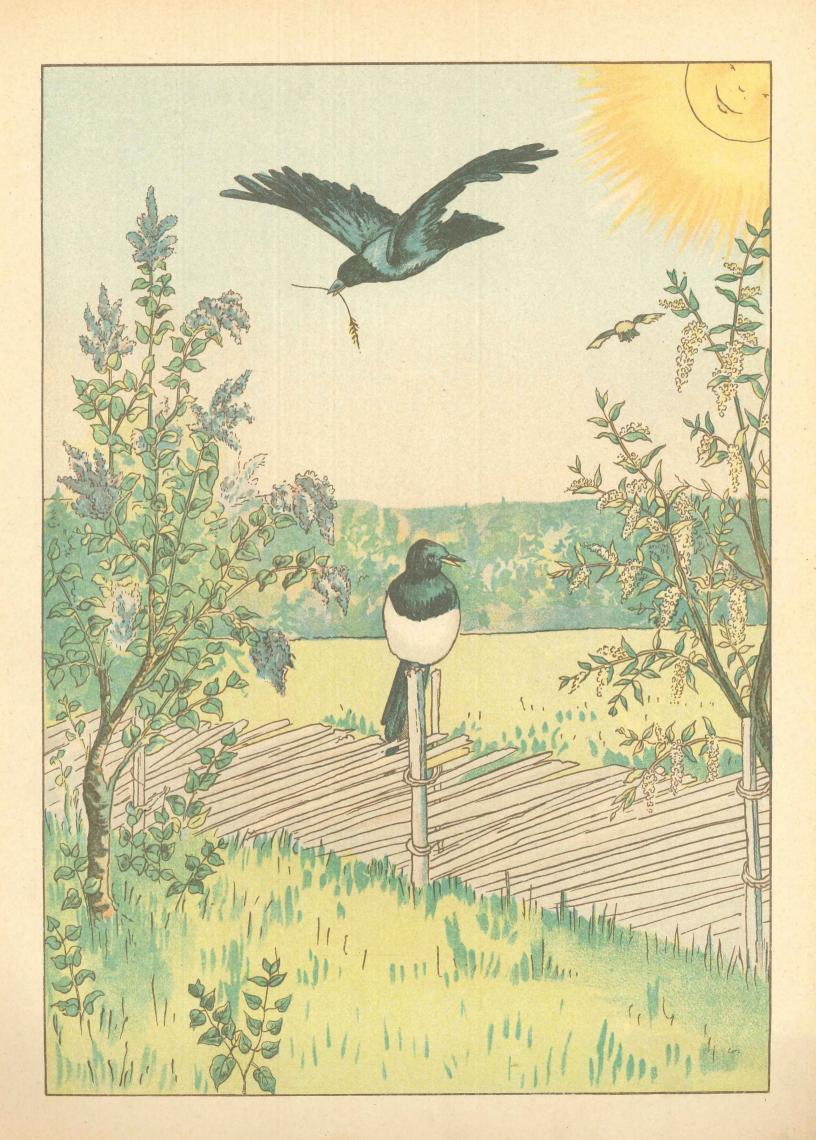
А сама: чэкъ-чэкэрэкъ-кэкъ-кэкъ. Даже ротъ раскрыла отъ удовольствія. Извъстно въдь, сорока всегда-стрекотуха. Хвости-комъ подрыгиваетъ, да стрекочетъ.

Птица она очень красивая. Снѣжно-бѣлое брюшко и плечи. А шея черная съ блестящимъ краснымъ, голубымъ и зеленымъ отливомъ. Посмотрѣть на нее—заглядишься. А какъ закричитъ она свое «чэкъ-чэкэрэкъ!», никому никакого удовольствія! Голосъ грубый, рѣзкій, крикливый. И всегда одно и то же, одно и то же! Умная птица, а пѣть не научится!

Тогда бы любилъ ее человъкъ и приманивалъ ее къ себъ. А теперь вотъ-вотъ выйдетъ онъ изъ-за сирени съ хво-ростиной да погонитъ подальше эту стрекотуху. Теперь теплая весна, и у него, навърное, уже вывелись молодые цыплятки. Такіе желтенькіе, кругленькіе да пушистые! Бъгаютъ, точно шарики перекатываются. Очень сорока лакома до нихъ. Не успъетъ ихъ мать дать имъ тревожный сигналъ и спрятать ихъ у себя подъ крылышками, какъ сорока хвать одного изъ нихъ, и умчалась въ лъсъ!

А если нѣтъ цыпленка, то найдетъ сорока еще что-нибудь. Можетъ быть тутъ у сирени дѣти завтракали и оставили недоѣденный кусокъ. Скоро усмотритъ его сорока и подберетъ. А если они забыли тутъ чайную ложку или блестящую игрушку, ихъ стащитъ сорока.

Такая ужъ и есть она воровка. Любить все блестящее. Толку въ вещехъ не понимаетъ, а все-таки тащитъ къ себъ. Ну, къ чему ей чайныя ложки? Рукъ у нея нѣтъ, держать ложку нечѣмъ. Чаю она не пьетъ. Все, что найдетъ, хватаетъ прямо ртомъ, и съѣдаетъ. Ложка ей совсѣмъ безъ пользы. А она все-таки тащитъ ее! Такъ хорошо блеститъ ложка! Умная сорока птица, и ей, какъ человѣку, нравится все, что блеститъ. Она также хочетъ украсить свое гнѣздо блестящими вещицами, какъ украшаетъ человѣкъ свой домъ. Только у человѣка все это къ мѣсту, къ дѣлу да ко времени, а у сороки все—по дурацкому. Когда заглянемъ въ гнѣздо сороки, тамъ найдемъ и кусокъ блестящей жести, и стекляную пуговицу, и красную тряпочку, и зеленую бумажку, а то деревянное крашеное яичко,

которое купили дътямъ къ Пасхъ. Гнъздо сложено изъ голыхъ прутьевъ, и вся эта дрянь лежитъ по краямъ его въ безпорядкъ. Хотъла сорока украсить свое жилище, да не сумъла.

А теперь сидить себъ здъсь на колу да покрикиваетъ: «чэк-чэкэрэкъ», «чэк-чэкэрэкъ!». Цълый часъ кричитъ, а толку никакого! Не даромъ же ее зовутъ болтливой сорокой. Только надоъдаетъ своей болтовней!

Пришло человъку въ голову научить эту болтунью говорить по-человъчески. Взялъ онъ маленькаго птенчика сороки изъ гнъзда и воспиталъ дома. Долго сердились на него за это старыя сороки. Очень они любятъ своихъ дътей, и жаль имъ отдавать своего птенчика въ чужія руки.

А человѣкъ кормилъ птенчика досыта хлѣбомъ да сыромъ и—выкормилъ. Сталъ онъ ручной такой да ласковый. Сталъ его человѣкъ учить говорить. Долго возился: цѣлые недѣли и мѣсяцы. Каждый день повторяетъ молодой сорокѣ одно и то же, а та сидитъ да слушаетъ. Наконецъ, поняла. И вдругъ, вмѣсто «чэк-чэкэрэкъ» стала повторять по-человѣчески: «здравствуй». Начнетъ говорить это слово и сто разъ повторяетъ его безъ всякаго смысла.

Но человъкъ очень обрадовался. Началъ учить ее другому слову. И также долго старался. Наконецъ, сорока научилась повторять: «дай сыру». Но больше ужъ ничего не умъла. Умная птица, а больше трехъ словъ не умъетъ говорить.

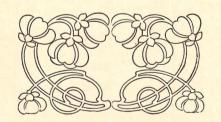
Ворона гораздо умнѣе. Она сумѣетъ выучить больше пяти словъ. И не такая болтунья, какъ сорока. Зато воровка она—такая же. И она также любитъ все, что блеститъ. И она таскаетъ къ себѣ въ гнѣздо для украшенія всякія бездѣлушки. Если живешь въ деревнѣ, такъ убирай подальше свои игрушки. А то все растащутъ обѣ эти птицы, и ты нигдѣ не найдешь.

Вонъ какъ ловко ворона несеть въ носу большую вътку: она—птица заботливая. Гнъздо у нея свито давнымъ давно, еще тогда, когда у этой изгороди снъгъ лежалъ. А теперь ей нужно сдълать въ немъ только маленькую починку. Сова ночью напала на ея гнъздо, чтобы полакомиться молодыми вороня-

тами. Да ворона—мать зада ла ей такую трепку, —только перья летѣли! Едва-едва сова вырвалась по добру да по здорову. Во время этой борьбы гнѣздо-то вороны и пострадало. Нѣсколько крупныхъ вѣтокъ изъ подъ гнѣзда сова вырвала и выбросила. Гнѣздо чуть держится. Увидала это ворона днемъ и сейчасъ же отправилась въ лѣсъ за деревомъ. Теперь несетъ длинную вѣтку. Затѣмъ слетаетъ за другой и за третьей. Обовьетъ ими снова гнѣздо такъ прочно, что не развалится. А сова уже хорошо проучена и больше въ это гнѣздо не пойдетъ охотиться.

Летитъ ворона, а сорока на нее даже не взглянетъ. Она ничуть вороны не боится. Объ онъ живутъ вблизи человъка и объ кормятся возлъ него. А другъ другу не мъшаютъ и не ссорятся.

Летитъ ворона, и не мъщаетъ ей ни лъсъ, ни изгородь. А вотъ дътямъ не попасть за такую изгородь. Да и домашнимъ животнымъ—также. Для того и поставилъ хозяинъ загородку, чтобы они не бродили тутъ и посъвовъ не портили. Вбилъ два кола въ землю, связалъ ихъ рядомъ тонкимъ ивовымъ прутомъ, чтобы они не разошлись въ разныя стороны. А въ промежутокъ между ними поставилъ много другихъ кольевъ. И ставилъ всѣ ихъ накось: одинъ конецъ въ землю, а другой—въ зажимъ между двумя связанными кольями. Изгородь и готова. И просто, и дешево, и прочно. Ни свинья, ни корова не проломитъ ее и не перескочитъ. Мальчикъ подойдетъ къ ней да задумается, какъ ему перелъзть черезъ нее. А дъвочка такъ и совсъмъ не сумъетъ.

У БЕРЕГА.

ЛАВАЛИ уточки по гладкому озеру да покрякивали: «кря», «кря», «кря»! Покрякивали изрѣдка, спокойно и тихонько, словно мурлыкали отъ удовольствія. Вода теплая, небо ясное. Зеленый тростникъ чуть шелеститъ шершавыми листьями отъ легкаго вѣтерка. Вѣтеръ такой слабый, что не замутитъ гладкаго озера. Дунетъ слегка разъ, другой, и опять стихнетъ.

Гдѣ растетъ тростникъ, тамъ очень мелко. Такъ мелко, что самыя малыя дѣти купаться могутъ. Тростникъ растетъ изъ земли, со дна, а жить ему надо надъ водой. Одна часть его надъ водой, а другая такая же подъ водой. Если онъ вылѣзъ выше воды, то, значитъ, здѣсь, недалеко и его корни, недалеко и дно, въ которое впились его корни. Сто́итъ уточкѣ нырнуть, и она достанетъ головой дна.

Часто онъ ныряють на дно. Тамъ живуть разные ракушки, рачки, паучки водяные,—всякая живность, которую такъ любять утки. А если встрътится рыбка и она зазъвается, то и ей не сдобровать. Ухватить ее утка своимъ длиннымъ и плоскимъ носомъ, и капутъ ей! Сожметъ ее кръпко, какъ въ щипцахъ. И какъ ни рвется, какъ ни трепещетъ бъдная рыбка, утка не выпустить ее и проглотить живьемъ:

Никто не тревожилъ уточекъ. Плавали онѣ мирно да изрѣдка тихо покрякивали. Вдругъ, «кря-кря-кря»,—закричала передняя во все горло. «Кря-кря-кря!»—подхватили другія въ тотъ же голосъ. И тихая сонная вода далеко разнесла эти тревожные крики по своей зеркальной глади.

Да и какъ тутъ не закричать отъ страху! Увидали онъ такое пугало, какого еще съ роду не видывали.

На берегу стоялъ толстый, высокій, старый пень ивы. Давно стояло это дерево. Но буря сломала его и унесла по водъ ближе къ деревнъ, гдъ люди подобрали его и раскололи на дрова. Остался одинъ высокій пень. Попробовалъ онъ вырастить новыя молодыя вътви, да не хватило въ немъ соковъ. И новыя вътви тоже засохли и стоятъ голыя, безъ листьевъ.

Соковъ же не было потому, что весь пень былъ пустой внутри. Тамъ было огромное и глубокое дупло. На днѣ его большая глазастая сова устроила себѣ гнѣздо и поселилась тамъ. Никогда еще утки не видывали такой птицы. Птица эта—ночная, т. е., вылетаетъ изъ дупла только ночью. Тогда она и охотится, и ищетъ себѣ корму. Днемъ же прячется въ темномъ дуплѣ. Оттого у нея и глаза такіе огромные, точно очки надѣты.

Ночью свъту такъ мало, что мы почти ничего не видимъ. А если глаза большіе, въ нихъ и свъту попадетъ больше. И сова хорошо видитъ ночью своими большими глазами, такъ хорошо, что сумъетъ вездъ находить мышей, которыми она питается. А мышка-то маленькая да съренькая. И разглядъть ее ночью въ потемкахъ очень трудно.

Увидали наши уточки такую глазастую полуночницу и подняли со страху крикъ. Онъ всегда плаваютъ только днемъ, а по ночамъ спятъ безмятежно въ своихъ гнъздахъ. Оттого встръчаться этимъ птицамъ еще не приходилось ни разу.

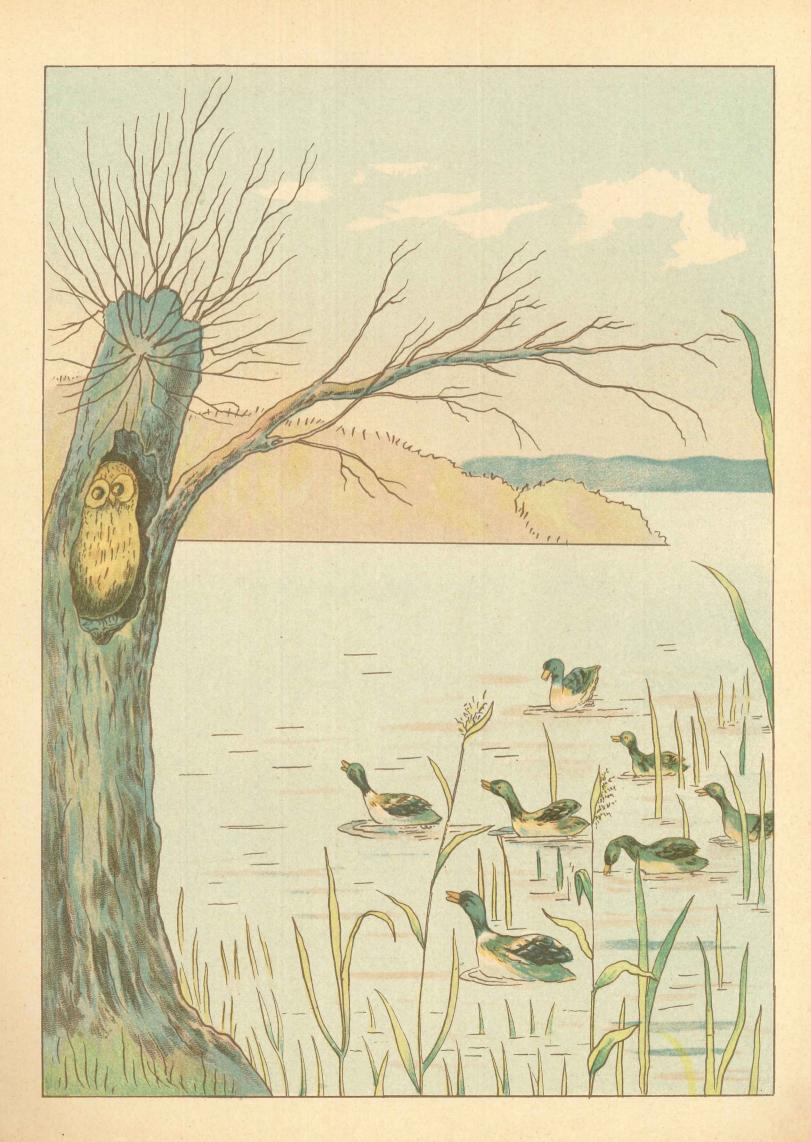
Но пугаться имъ нечего. И кричатъ онъ совершенно напрасно. Сова слушаетъ ихъ крикъ и даже глазомъ не моргнетъ.

— «Кричите, — думаетъ она, сколько хотите. А я буду сидъть да смотръть на васъ. Забавно въдь видъть, какъ это вы сидите на водъ, а сами не тонете. Я бы непремънно потонула!»

Боятся совы не однъ утки, а и люди, особенно глупые. Идетъ такой человъкъ темной ночью по лъсу. Жутко ему. За каждымъ кустомъ ему мерещится либо звърь дикій, либо привидъніе. Идетъ, а самъ чутко прислушивается. Страхъ его разбираетъ. Кажется, вотъ-вотъ кто-нибудь сцапаетъ его.

Вдругъ раздается на весь лъсъ громкое: «ху-ху-ху». «Ху-ху-ху», —повторяетъ эхо. И весь лъсъ стонетъ отъ какого-то дикаго, воющаго хохота. У

Глупый человъкъ такъ и присядетъ со страху. Навърное, — думаетъ онъ, — это самъ лъшій хохочетъ, и съ нимъ всякая

нечистая сила. Вотъ выскочутъ они на дорогу въ своемъ бъсовскомъ видъ, и прощайся съ жизнію!

А того не знаетъ глупый человъкъ, что кричитъ это тихая безобидная сова. Кричитъ она по своему, какъ умъетъ. Каждая птица имъетъ свой крикъ. Утка кричитъ: кря, кря. Воробей: чивъ, чивъ. Пътухъ: ку-кареку. Кукушка: ку-ку. А сова: ху-ху-ху. И кричитъ она не громче и не тише, чъмъ всякая другая птица. И только потому, что кричитъ она по ночамъ, ея крикъ кажется глупому человъку и оченъ громкимъ, и оченъ страшнымъ. Ночью въдь вездъ тихо, а въ лъсу всего тише. Ни звука. Спятъ всъ птицы и звъри. Не шелохнется листъ. Не шуршитъ трава. И животное спитъ, и вътеръ спитъ.

Да и самому человъку очень ръдко случается бывать въ лъсу по ночамъ. Оттого онъ и не знаетъ, что дълается тамъ ночью. И вотъ, когда неожиданный случай заставитъ его быть ночью въ лъсу, а не въ своей теплой постели, крикъ совы пугаетъ его. Онъ не знаетъ, чей это крикъ, и по глупости своей думаетъ при этомъ не о птицъ, а о всякой чертовщинъ.

А сова ни днемъ, ни ночью, ни для кого изъ насъ не страшна. И сама она человъка не боится. Иногда охотникъ стоитъ въ лъсу съ ружьемъ и караулитъ дичь, а сова подлетитъ неслышно и сядетъ ему на шляпу. Даже поселяется сова иногда не въ пустыхъ дуплистыхъ деревьяхъ, а тамъ же, гдъ живетъ человъкъ,—въ его надворныхъ постройкахъ.

А если поймать маленькую сову, она дѣлается очень ручной. Привыкаетъ къ человѣку и живетъ съ нимъ въ большой дружбѣ. Играетъ съ нимъ, ласкается къ нему и беретъ пищу прямо изъ рукъ. Моргаетъ, дѣлаетъ разныя гримасы, прилетаетъ къ хозяину на зовъ и тихо попискиваетъ. Этимъ она показываетъ, что ей очень пріятно, и она радуется.

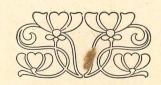
Если ее держатъ въ неволъ съ другой совой, то объ онъ живутъ мирно и никогда между собой не ссорятся. Дадутъ имъ одинъ кусокъ, и онъ мирно дълятъ его, но не дерутся, какъ это часто дълаютъ не только животныя, но и маленькія дъти.

Только для мышей сова—самая грозная птица. Мыши— ея главная пища. Она охотится больше всего за ними, повдаеть и истребляеть ихъ многое множество. Этимъ она приносить большую пользу человъку. Мыши быстро размножаются
и очень любять хлѣбныя зерна, которыя выращиваеть человъкъ. Если много мышей, онъ истребять у земледъльца всъ
его хлѣбные запасы. Вотъ тутъ-то и помогаеть сова. Она сама
истребляеть вредныхъ маленькихъ грызуновъ. А неблагодарный глупый человъкъ самъ не понимаетъ своей пользы. Онъ
боится одного пустого крика совы и не знаетъ, что это кричитъ его добрый другъ.

Но если сова не найдетъ мышей, тогда она разоряетъ гнъзда разныхъ мелкихъ птичекъ. Зато всъ эти птички страшно не любятъ ее. Пъночки, зяблики, дрозды, корольки, ласточки, какъ только увидятъ днемъ сову, окружаютъ ее и съ крикомъ летаютъ возлъ нея. Всякій деревенскій мальчикъ видалъ, какъ эти мелкія пичужки преслъдуютъ своего большого ночного врага. Тучей собираются онъ всъ вокругъ совы, и каждая пичужка по своему поднимаетъ страшный крикъ. Такъ онъ порхаютъ вокругъ нея и далеко преслъдуютъ ее, пока сова совсъмъ скроется отъ нихъ.

Онъ думаютъ, что навсегда прогнали этого хищника отъ своихъ жилищъ. Не знаютъ того бъдныя, что онъ улетълъ днемъ. А ночью, когда всъ онъ заснутъ, онъ безшумно прилетитъ къ нимъ опять. И если будетъ голоденъ, опять будетъ охотиться за ихъ гнъздами.

А не удастся здѣсь, сова не побрезгуетъ и разными гусеницами—зелеными червячками, изъ которыхъ выходятъ бабочки. Слишкомъ мелкая это для нея пища. Но зато на деревьяхъ этихъ гусеницъ всегда очень много.

КАКЪ ЖИВУТЪ РЫБЫ.

В СЕ лъто мы жили на берегу моря. И каждый разъ какъ была хорошая погода, и море было гладко, какъ зеркало, мы катались на лодкъ.

Вчера мы тоже поъхали кататься передъ заходомъ солнца. Когда мы отъъхали отъ берега, солнце стало спускаться на землю. Намъ казалось, вотъ-вотъ этотъ яркій красный шаръ опустится на землю, какъ мыльный пузырь, сядетъ на нее, да такъ навсегда и останется. Вотъ оно ужъ коснулось краешкомъ земли. Но не съло на неё, а стало куда-то опускаться еще больше. Вотъ опустилась уже четверть шара. Затъмъ осталось только полъ-шара.

Мы съ Митей глядѣли во всѣ глаза, потому что раньше ни разу не приходилось намъ такъ ясно видѣть заходъ солнца: все мѣшали либо дома, либо деревья.

— «Смотрите, дъти, — говорить мама: солнце уходить совсъмъ. Оно не съло на землю. Тамъ, на землъ мы видъли, вездъ живутъ люди, вездъ цвътутъ поля и нивы. Оно раздавило бы людей и сожгло бы лъса и поля, если бы съло гдънибудь на землю. Нътъ, оно вездъ свободно ходитъ по небу и никогда не спускается оттуда. А теперь только уходитъ по ту сторону земли. Сейчасъ былъ день у насъ. А теперь день начнется на той сторонъ, куда ушло солнце. А у насъ настанетъ ночь».

Мы такъ долго смотръли на солнце, что стало больно глазамъ. Потомъ, куда ни гляди, вездъ намъ видълось солнце: и въ лодкъ, и на водъ, и на небъ. А само-то солнце ужъ совсъмъ закатилось.

— «Это отгого, — говорить мама, — что мы не привыкли смотръть на солнце. Оно для насъ слишкомъ ярко. А сильный свъть такъ же вреденъ для глазъ, какъ сильный ъдкій запахъ для носа. А вотъ орлы, такъ тъ привыкли смотръть на солнце, и глазамъ ихъ не больно»

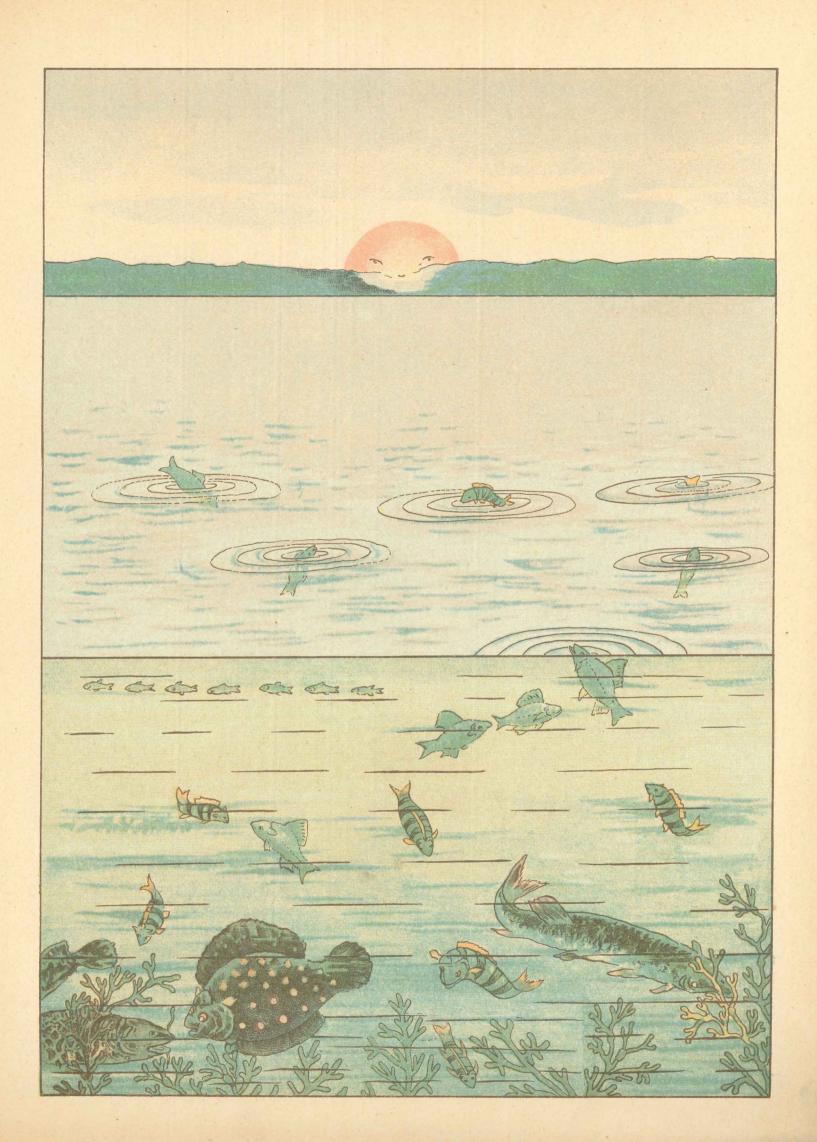
Когда солнце закатилось, мы стали смотръть на воду. Вездъ, кругомъ насъ, плескались рыбки. На ровной гладкой водъ вдругъ покажется кончикъ носа, а то и вся голова. Покажется и—тотчасъ скроется опять. А по водъ пойдутъ круги. Иная рыбка высунется почти до половины и снова спрячется. Иная выпрыгнетъ совсъмъ. Или дрыгнетъ только хвостикомъ. Тогда слышится плескъ, какъ буето кто бросилъ въ воду небольшой камень. Нъкоторыя шалуньи подпрыгивали такъ высоко, что мы ихъ хорошо видълицъликомъ. Видно было,какой величины эта рыба, и красныя ли у нея перышки, или бълыя.

Мы спросили маму, зачёмъ онё дёлаютъ это.

— «Да онѣ, —говоритъ мама, —такіе же шалуны, какъ и вы. Имъ тоже хочется порѣзвиться. Плаваетъ, плаваетъ въ водѣ, вездѣ одно и тоже: и сумрачно, и жидко. Хочется имъ взглянуть, что дѣлается тамъ, надъ водой, гдѣ имъ бывать не приходится. Намъ тоже хочется посмотрѣть, что дѣлается подъ водой, гдѣ жить мы не не можемъ. И мы тоже стараемся иногда нырнуть туда на одну минутку, какъ рыба въ воздухъ.

«Однъ играютъ и забавляются, а другія охотятся и ужинаютъ. Въ воду часто падаютъ насѣкомыя. Онѣ прилипаютъ водъ и барахтаются въ ней. Рыба видитъ дна, подплываетъ къ насѣкомому снизу и тычетъ въ него носомъ, чтобы схватить. Тогда мы видимъ, что изъ воды высовывается голова. А если насъкомое плаваетъ уже мертвое, рыба спокойно беретъ его снизу, и мы видимъ тогда одинъ только носъ ея. Если же насъкомое не плаваетъ на водъ, а летаетъ близъ нея, рыба охотится за нимъ и выпрыгиваетъ вся изъ воды, чтобы схватить его на лету. Иногда ей удается это, иногда нътъ. Если удастся, то она схватываетъ добычу, а затъмъ, чтобы уйти скоръе отъ нашихъ глазъ, сильно ударяетъ хвостомъ по водъ. Отъ этого удара, какъ отъ толчка, она быстро уходить въ воду Точь въ точь также легкій челнокъ быстро двинется впередъ, если, стоя на кормъ его (или въ хвостъ), сильно взмахнуть по водѣ широкимъ весломъ».

«Нѣкоторыя же рыбки просто высовывають нось изъ воды и выпускають при этомъ пузырекъ воздуха. Это онѣ про-

дълываютъ такую хитрую механику, которую нужно разъяснить вамъ. Вы видали, какъ чистятъ рыбу на кухнъ. Видали длинный пузырь, который вынимаютъ изъ рыбы вмѣстѣ съ внутренностями и бросаютъ. Этотъ пузырь надутъ воздухомъ и называется плавательнымъ. Такъ называется онъ потому, что помогаетъ рыбѣ въ плаваніи. Помогаетъ ей точно также, какъ вамъ помогаютъ при купаньѣ пузыри, съ которыми вы учитесь плавать. На пузыряхъ вамъ легко, потому что они не тонутъ. Если пузырь погрузить въ воду, его потянетъ вверхъ. А если изъ пузырей выпустить воздухъ, то васъ, вмѣстѣ съ пузырями потянетъ на дно».

«Рыба носить въ себъ такой пузырь. Если онъ туго наполненъ воздухомъ, рыбу тянетъ къ верху. Она тогда всплываетъ, играетъ здѣсь и охотится за насѣкомыми. А когда ей захочется опять нырнуть въ глубину, она выпускаетъ разомъ нѣсколько лишнихъ пузырьковъ воздуха изъ своего пузыря. Тогда пузырь становится гораздо меньше, и рыбу тянетъ опять ко дну».

Когда стало смеркаться, нашъ дядя Коля приготовился фотографировать. Онъ установиль свой аппарать, опустиль съ лодки на дно электрическій фонарь безъ огня и сказаль намъ, чтобы мы глядъли въ воду и не зъвали. Онъ повернуль кранъ, фонарь вспыхнуль у самаго дна и освътиль внутри всю воду. При его яркомъ свътъ мы увидали множество разной рыбы. И въ срединъ, и на днъ, и на верху, плавала она въ самыхъ различныхъ позахъ. Но это былъ только одинъ мигъ. Рыбы испугались огня, метнулись стрълой въ разныя стороны, и въ одну секунду всъ исчезли. Остались на днъ только однъ неподвижныя бурыя в о д о р о с л и.

Намъ было жаль, что рыбы разбѣжались, раньше, чѣмъ мы могли разсмотрѣть ихъ хорошенько. Но дядя смѣялся и говорилъ, что онъ всѣхъ рыбъ поймалъ къ себѣ въ фотографическій ящикъ и завтра покажетъ намъ ихъ сколько угодно.

Но мы не хотъли ждать до завтра, а просили его отъъхать на другое мъсто, гдъ рыбы еще не были распуганы фонаремъ, и снова спустить его на дно. Онъ согласился. И мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ освѣщали дно фонаремъ и нѣсколько разъ видѣли, что дѣлается тамъ, подъ водою. Но всегда мы могли взглянуть только на одинъ мигъ, потому что рыбы разбѣгались, какъ вспугнутые воробьи.

Мы поздно вернулись домой. Небо было все розовое отъ зари въ той сторонъ, гдъ заходило солнце. Темная вода блестъла какъ зеркало. И на ней по прежнему прыгали и плескались рыбки. Ихъ было такъ много, что нельзя было пересчитать. Только вблизи лодки ихъ не было видно. Онъ боялись насъ и близко не подходили.

Это было вчера. А сегодня дядя Коля отпечаталь на бумагь свой вчерашній фотографическій снимокь, подкрасиль его и позваль нась къ себь смотрыть его.

— Ахъ, какая прелесть!—воскликнули мы въ одинъ голосъ.

И дъйствительно, мы увидали совершенно живую картину, ту самую, которую вчера при свътъ фонаря видъли въводъ на одно короткое мгновенье.

На днъ торчали бурыя водоросли. Онъ, говоритъ дядя, всегда растутъ подъ водой, никогда не видятъ солнца и вовсе не даютъ цвътовъ. Среди нихъ и надъ ними плавали разныя рыбы. Внизу направо мы сейчасъ узнали щуку. Затъмъ видно было нъсколько красноперыхъ и полосатыхъ окуней. А налъво выстроились въ линію селедки. Онъ, по словамъ мамы, всегда живутъ дружно и плаваютъ цълыми стадами. Иногда ихъ бываетъ такъ много у береговъ, что можно руками брать.

На фотографіи можно было отлично видѣть, какъ иныя рыбки поднимаются кверху и хотятъ высунуть носъ надъ водой. А другія уходятъ вглубь. Плаваютъ, хвостиками повиливаютъ. Точь въ точь какъ весломъ. Только селедки не обращаютъ вниманія ни на дно, ни на мошекъ, а выстроились въ рядъ и плывутъ прямо. Онѣ задумали переселиться въ другое мѣсто. Море широкое и далекое. Долго имъ еще придется плыть!

ХИЩНИКЪ КОСОЛАПЫЙ И ХИЩНИКЪ ПЕРНАТЫЙ.

А, такихъ хищниковъ не всякому удастся видъть на свободъ. Художнику нужно зайти въ дремучіе лъса, забраться въ недоступныя, непроходимыя горы. Только тамъ, гдъ ръдко бываетъ нога человъческая, ему удастся подсмотръть украдкой такое дивное диво и зарисовать его.

На заднихъ лапахъ стоитъ бурый медвъдь. Стоитъ какъ человъкъ, передней лапой за сукъ придерживается. Это хищное пугало лъсное теперь не такъ страшно. Сейчасъ теплое лъто въ полномъ разгаръ. Всякаго звърья въ лъсу бъгаетъ много. Есть гдъ медвъдю разгуляться и поохотиться. Не то, что зимой. И онъ ежедневно бываетъ сытъ-сытехонекъ. Посмотрите, какой онъ отъ того гладкій, да жирный. И вышелъ онъ на поляну вовсе не за кормомъ, а за лакомствомъ. Лакомка онъ такой, какихъ въ лъсу, кромъ него, не водится. Мало ему одного мяса. Подавъй еще меду! Свъжаго, душистаго сотоваго меду! Съъстъ онъ бъднаго зайку съ ушами и съ хвостикомъ да и начнетъ мечтать, гдъ бы ему меду достать.

Не легко его найти. Прежде лъсовъ было вездъ много. Въ лъсахъ вездъ водились медвъди. Тамъ же въ пустыхъ дуплахъ гнъздились и пчелы. Теперь лъса повырубили люди. И медвъдямъ приходится уходить все дальше и дальше въ суровыя и пустынныя страны. Тамъ ему еще вольготно. За то пчеламъ тамъ и холодно, и ъсть нечего. И негдъ Косолапому полакомиться!

Ну, нътъ пчелъ, такъ онъ нашелъ хоть шмелей! Въ старомъ гниломъ пнъ устроили они себъ гнъздо. Прогрызли въ боку дырочку для входа въ гнъздо и наносили туда меду. Медъ у шмелей не важный. Да и очень мало его. Въ одномъ гнъздъ живетъ всего нъсколько десятковъ шмелей. Они очень трудолюбивы. Постоянно работаютъ, но немного успъютъ наносить.

Это не то, что пчелы. Тъ живутъ тысячами въ одномъ

гнъздъ (или ульъ), и могутъ за лъто приготовить меду больше пятидесяти фунтовъ! Было бы чъмъ Мишкъ полакомиться!

А теперь стоить онъ у тощато пня, и скалить пасть отъ удовольствія. Вотъ, думаеть, запущу сейчась лапу въ это гнѣздо. Вытащу ее густо обмазанную медомъ и оближу.

Даже языкъ высунулъ, чтобы облизать!

Напрасно мечтаешь, проказникъ! Въ шмелиномъ гнъздъ очень сухо, и къ твоей лапъ не много прилипнетъ. Гляди лучше, какъ бы шмель не сълъ тебъ на носъ. Тогда онъ такъ укуситъ, что запляшешь!

Испуганные шмели, дъйствительно, съ шумомъ летаютъ кругомъ гнъзда. «Бу-у-у-мъ, бу-у-у-мъ», звенятъ они въ тревогъ. Они видятъ, что врагъ близко и вотъ-вотъ разоритъ ихъ домъ. Тогда погибнутъ всъ ихъ запасы и ихъ дътва. Но медвъдю они не страшны. Онъ весь обросъ густой и длинной шерстью. Сядетъ шмель на эту шерсть. Выпуститъ острое какъ иголка жало. Но оно коротко и не можетъ достать до медвъжьей кожи: шерсть мъшаетъ! А глупый шмель не смекнетъ, что кусать ему нужно бы въ кончикъ морды, либо въ высунутый языкъ.

Все лѣто медвѣдь только и дѣлаетъ, что гуляетъ, да лакомится. Дичи вездѣ для него много и добыча достается ему легко. Свободно онъ разгуливаетъ по лѣсамъ, но иногда выходитъ и въ поле. Если скотъ забредетъ далеко отъ человѣческаго жилья, то можетъ попасть медвѣдю въ лапы. Онъ не станетъ время терять надъ маленькимъ ягненкомъ или теленкомъ, а можетъ загрызть и цѣлую корову.

Иногда онъ заберется въ ниву съ овсомъ и такъ обсосеть ее, что хозяину немного останется. Молодой незрѣлый овесъ всегда сочный и сладкій. А медвѣдь—большой сластёна. Недаромъ же его зовутъ «медоѣдъ». Вотъ въ такомъ то овсѣ и пасется Мишка по ночамъ. Конечно, самый храбрый, который не боится выходить изъ лѣсу.

А настанетъ зима, — кончится Мишкино раздолье. Заберется онъ тогда къ себъ въ берлогу, свернется калачикомъ и дежитъ. Лежитъ и дни, лежитъ и ночи. Въ берлогъ мягко и

тепло, какъ на съновалъ. Выходить ему некуда, да и не зачъмъ. Зимой лъсъ пустой и взять въ немъ нечего. Нагулялъ медвъдь жиру за лъто, а теперь лежитъ да голодаетъ. И все худъетъ да худъетъ. Къ веснъ становится совсъмъ тощимъ. А когда лъсъ оживетъ, медвъдь опять откармливаетъ себя за весь зимній долгій постъ.

Далеко въ горахъ спрятался художникъ и оттуда наблюдаетъ въ подзорную трубу за проказами медвъдя. Не подходи близко, художникъ. Медвъдь не найдетъ у шмелей меду и зарычитъ отъ злости. Ъсть онъ не хочетъ, а все-таки свиръпъ. Увидавши человъка, который смъло проникаетъ въ его медвъжье царство, онъ идетъ къ нему, какъ стоялъ, на заднихъ лапахъ. Неуклюже переваливается, но идетъ. Не убъжишь тогда отъ него! Ты побъжишь, и онъ побъжитъ. Тогда уже побъжитъ на всъхъ четырехъ ногахъ и живо догонитъ. Опять станетъ на заднія лапы, а передними охватитъ человъка въ объятія. И такъ сожметъ его, что только кости затрещатъ. Сила его непомърная, и ръдко кому удавалось вырваться изъ такихъ объятій.

Но человъкъ все-таки не боится медвъдя. Разыскиваетъ его вездъ, во всъхъ его тайныхъ убъжищахъ и идетъ на него либо съ ружьемъ, либо съ рогатиной. И такъ истребляетъ его все больше и больше. Въ нъкоторыхъ странахъ уже всъ медвъди истреблены и ни одного не осталось.

Медвъдь легко дълается ручнымъ. Если найти дътеныща въ берлогъ и воспитывать его дома, то онъ растетъ забавный и ласковый, какъ собачка. Онъ легко выучивается всякимъ фокусамъ и затъйнымъ штукамъ. И когда продълываетъ ихъ, бываетъ такой смъшной пресмъшной! Большой, страшный и смъшной!

Медвъдь усердно занялся медомъ и не видитъ, что надънимъ въ вышинъ паритъ огромный звърь. Это орелъ. Такой же плотоядный и свиръпый, какъ и медвъдь, хоть онъ и птица.

Онъ спустился пониже, посмотрѣть, что дѣлаетъ медвѣдь. Сначала леталъ надъ лѣсомъ. Но вѣтви сосенъ мѣшали ему видѣть. Онъ думалъ поживиться возлѣ медвѣдя. Онъ думалъ, что медвѣдь поймалъ себѣ добычу. Но на этотъ разъ ошибся. А бываетъ орлу и удача. Медвѣдь закуситъ зайца и хочетъ прилечь поудобнѣе, да позавтракать. Какъ вдругъ съ высоты стрѣлой падаетъ орелъ, хватаетъ у него завтракъ и въ одинъ мигъ улетаетъ къ небесамъ.

Орелъ—птица огромная и сильная. Нашему Колѣ десять лѣтъ. Но если его положить, а на него положить орла съ распростертыми крыльями, то орелъ совсѣмъ закроетъ Колю. И даже концы его крыльевъ будутъ торчать дальше, чѣмъ ноги и голова у Коли.

Ноги у орла кръпкія. Когти огромные, острые. Одной ногой онъ можетъ охватить голову большой кошки. И такъ сожметъ ее, что бъдная кошка не пикнетъ! Носъ крючкомъ, такой же острый, какъ и когти. И когда онъ вцъпится въ свою добычу, тутъ ей и смерть! Большая птица индъйка, а и ее онъ можетъ схватить и унести.

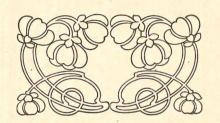
Глаза у него острые и зоркіе. Летаетъ онъ высоко по поднебесью. Летаетъ и высматриваетъ. Вотъ онъ замѣтилъ пролетающую голубку. Точно бомба падаетъ онъ на нее изъ подъ облаковъ и схватываетъ на лету. Ни птица, ни звѣрь не спасутся отъ него. Ему все равно, что мышь, что ягненокъ, что гусь, что воробей.

Когда онъ появляется въ небесной вышинъ, все живое въ ужасъ разбъгается и разлетается. Птицы поднимаютъ тревожный крикъ. И этотъ крикъ предупреждаетъ всъхъ, что нужно спасаться. Погибъ тотъ, кто зазъвается или задремлетъ.

Орелъ не разбираетъ, кто попадется въ добычу: дикіе звъри и птицы, или домашніе, разведенные человъкомъ. Всъхъ одинаково истребляетъ. Человъкъ не терпитъ близко такого грабителя и самъ охотится за орломъ. Орелъ птица очень умная и отлично различаетъ, когда человъкъ съ ружьемъ, и когда безъ него. Поэтому онъ крайне остороженъ и не любитъ залетать туда, гдъ можетъ встрътиться съ человъкомъ.

Дикія пустынныя горы—его любимое жилище. Онъ привыкь быть всегда выше всѣхъ. Тамъ онъ выбираетъ самую неприступную скалу, куда ни человѣкъ, ни звѣрь добраться не могутъ. Тамъ и устраиваетъ себѣ гнѣздо и выводитъ своихъ птенцовъ. Ихъ онъ откармливаетъ мясомъ и постоянно приноситъ въ гнѣздо всякую дичь. Приноситъ такъ много, что птенцамъ не поѣсть этого мяса. Оно тутъ и загниваетъ.

Орлы живуть очень долго. Бывали случаи, когда ихъ держали въ клѣткѣ цѣлыхъ сто лѣтъ!

ЛЪТО КРАСНОЕ РАЗГУЛЯЛОСЯ.

Въ чистомъ синемъ небъ—далекія бълыя облачка. Они такъ далеко плаваютъ въ небъ, что никогда не упадутъ дождемъ на землю. Оттого ихъ считаютъ въстниками долгой ясной погоды.

Вдали залитый солнечнымъ свътомъ зеленый лъсокъ. Кой гдъ выдъляются темныя смолистыя ели.

А до лѣсу—большой зеленый лугъ, пестрѣющій цвѣтами. Теперь лѣто въ разгарѣ и все стоитъ въ полномъ цвѣту.

Какихъ-какихъ цвътовъ не встрътишь на лугу! Лиловыхъ, желтыхъ, розовыхъ, красныхъ... Вотъ напримъръ, въ срединъ стоитъ блъдно-фіолетовая маленькая фіалка. Справа и слъва—разные первоцвъты. Далъе направо на высокой соломинкъ длинной шишкой торчитъ тимофейка. А налъво, всъхъ выше, вытянулся вверхъ желтый лютикъ.

Сладкое съно даетъ тимофейка. Даже и намъ пожевать ее пріятно. А лютикъ не совътую вамъ брать въ ротъ. У него сокъ такой горькій да такій. Когда попробуешь, въкъ будешь помнить. Вст травоядныя хорошо это знаютъ и не трогаютъ лютика. Развт ужъ отъ большого голода проглотятъ его съ горечью!

Цвътетъ лугъ цвътами разными. А отъ нихъ ароматы всякіе къ небу поднимаются. Такъ сладки и такъ нъжны эти ароматы! Никакіе духи, что продаются въ пузырькахъ, не могутъ замънить этихъ луговыхъ запаховъ.

Подуетъ справа теплый вътерокъ, —повъетъ въ лицо однимъ душистымъ ароматомъ. Подуетъ слъва, —оттуда несутся другіе ароматы, еще болье пріятные. Такъ легко, такъ сладко дышется здъсь! Дышалъ бы такъ цълый день, и никогда не надышался! Вздохнешь всей грудью, и все-таки чувствуешь, что вздохнулъ мало. Впиваешь грудью этотъ сладостный, этотъ живительный воздухъ, и не можешь напиться досыта.

Подъ этимъ яснымъ небомъ легъ бы въ срединъ этого

теплаго цвътущаго луга, да такъ и остался здъсь. Мягко, привольно, солнечно и душисто! И какъ жаль, что городскія дъти очень ръдко видять такую красу и такое раздолье!

Но не для человѣка разубрался лугъ въ свои разноцвѣтные узоры. Не для человѣка сѣетъ онъ свои пахучіе, пряные запахи. Конечно, солнце всѣмъ одинаково свѣтитъ и добрымъ, и злымъ, и животнымъ, и цвѣтамъ, и людямъ. Также и цвѣты всѣмъ показываютъ свое убранство, всѣмъ дышатъ въ лицо своими ароматами.

Только не всѣ живыя созданія приносять цвѣтамъ одинаковую выгоду. Безжалостный хозяинъ придеть съ косой и подкосить ихъ подъ самый корень, какъ разъ въ тѣ дни, когда цвѣты распустились во всей своей красѣ. А прилетитъ къ цвѣтку маленькая букашка, такъ станетъ она для него желаннымъ и полезнымъ гостемъ. Напьется букашка меду, захватитъ брюшкомъ цвѣточной пыли, и полетитъ на другой цвѣтокъ за медомъ. А на немъ она оставитъ захваченную цвѣточную пыль. Такъ летаетъ она съ цвѣтка на цвѣтокъ, и такъ переноситъ пыль съ одного цвѣтка на другой. А для цвѣтка только это и нужно. Ему нужно добыть пыль съ другого цвѣтка, чтобы произошло опыленіе. Только тамъ, гдѣ совершилось опыленіе, можетъ вырасти сѣмя. А если нѣтъ сѣмени, то на будущій годъ и растенія не вырастетъ.

Выходить воть что: для того, чтобы растеніе каждый годь могло жить снова, нужно сѣмя. А для сѣмени нужно опыленіе. А для опыленія нужны разныя букашки. Не прилетять букашки, тогда растеніе нынче умреть и вновь больше не родится. А чтобы прилетѣли букашки, цвѣты приманивають ихъ къ себѣ и видомъ, и запахомъ.

Не для человѣка, значитъ, носятся разные сладкіе ароматы по лугу, а для букашекъ. Обидно это. А все-таки нужно понимать и разбирать, что къ чему служитъ.

Да и сколько же этихъ букашекъ живетъ на лугу! Летаютъ надъ нимъ, лазаютъ, ползаютъ и бродятъ. «Ж-ж-ж», гудитъ жукъ. «Б-у-у-у-м-м-м», звенитъ шмель. «М-м-м», поддакиваетъ муха. И всегда на всякомъ цвътущемъ лугу такъ. Сколько цвътовъ, столько же букашекъ.

И всъ онъ разныя. Толстыя, большія и маленькія. Мягкія, нъжныя и жесткія. Красныя, черныя, синія, зеленыя, пестрыя. Ловить ихъ не переловить. Собирать въ ящикъ,—мъста не хватитъ. Такъ ихъ много.

Вотъ напримъръ нъсколько штукъ какъ разъ у насъ передъ глазами. Въ серединъ шмель. Его мы уже знаемъ. Говорили о немъ, когда описывали медвъдя-лакомку, который разорялъ шмелиное гнъздо.

А вотъ съ божьей коровкой мы еще не встрѣчались. Кто не знаетъ этой божьей коровки! Маленькій красненькій жучокъ съ черными пятнами на крыльяхъ. У однихъ только 2 пятна, у другихъ 7, а у иныхъ 12. Все это божьи коровки, и все разныя! Есть даже не красныя, а блѣдножелтыя.

Жучокъ тихій, по виду скромный, не пугливый. Возьмешь на руку, побродить, побродить и захочеть улетъть. Не легко ему подняться. Тонкія, какъ пленочки, бълыя крылья спрятаны у него глубоко подъ желтыми красными и пятнистыми надкрыльями. Эти надкрылья не годятся ему для полета, а служатъ только вмъсто панцыря защитой отъ враговъ. Переверните его брюшкомъ кверху. Снизу у него тоже жесткій панцырь, только темнаго цвъта. Тяжело ему перевертываться въ такихъ панцыряхъ, и онъ долго возится, пока перевернется. Тяжелый, неуклюжій и неповоротливый, точно черепаха.

Но этотъ жучокъ тихъ и скроменъ только съ нами. Челюсти у него острыя, но очень маленькія. И ему не сумъть укусить нашу толстую кожу. А дайте-ка ему тлю!

Вы, можетъ быть, не знаете, что такое тля? Ихъ иначе зовутъ травяными вшами. Маленькая, нѣжная, мягкая, обыкновенно зеленаго цвѣта, сидитъ прижавшись къ листу или къ молодому стеблю такъ ловко, что ее замѣтить трудно. Но есть тли бураго и чернаго цвѣта. Тѣ очень хорошо видны.

Часто ихъ бываетъ такъ много, что все растеніе облѣплено ими. А листья, гдѣ живутъ тли, сморщиваются и скручиваются. Ихъ можно находить на березѣ, черемхѣ, розѣ, малинѣ, жасминѣ, бузинѣ и вообще очень часто.

Такъ вотъ. Мы сорвемъ такой листъ съ тлями и поса-

димъ на него божью коровку. А чтобъ она не улетъла, прикроемъ стаканомъ. И будемъ наблюдать. Если божья коровка
голодна, она сейчасъ покажетъ намъ, какой она хищникъ. Она
схватитъ тлю за что придется и будетъ ее пожирать живьемъ.
Тля вертится, вырывается, но увы! Гдѣ ей, слабой и вялой,
бороться съ такимъ забронированнымъ звѣремъ, какъ божья
коровка! Челюсти у нея острыя и цѣпкія. И своей добычи
она не выпуститъ изъ нихъ, пока не скушаетъ тлю цѣликомъ.

Вотъ такъ божья коровка! Кровожадный живоглотъ.

Можетъ быть, на листьяхъ, гдъ живутъ тли, вамъ попадется черная ногастая личинка. Это—личинка божьей коровки, или божья коровка въ дътскомъ возрастъ. Она—такая же хищная и также истребляетъ тлей. И также можно наблюдать, какъ она пожираетъ ихъ.

Тли для садовниковъ и огородниковъ самыя непріятныя созданья. Онъ размножаются очень быстро. А когда ихъ много, онъ могутъ испортить и даже погубить много садовыхъ насажденій. Значитъ, божьи коровки, которыя истребляютъ этихъ тлей, очень полезны для человъка.

Онъ-первые друзья садовника. И знающій садовникъ ихъ бережетъ.

Но такъ ужъ на свътъ все устроено. Когда божьи коровки найдутъ много тлей, онъ откормятъ себя ими и размножатся. Когда онъ размножатся, онъ истребятъ всъхъ тлей. А когда истребятъ всъхъ тлей, начнется моръ на божьихъ коровокъ. Онъ будутъ умирать съ голоду, потому что кромъ тлей онъ ничего не ъдятъ. А когда божьихъ коровокъ станетъ мало, опять много появится тлей. И. т. д. Въ природъ все такъ тъсно связано другъ съ другомъ. Нужно только умъть разбирать эти связи.

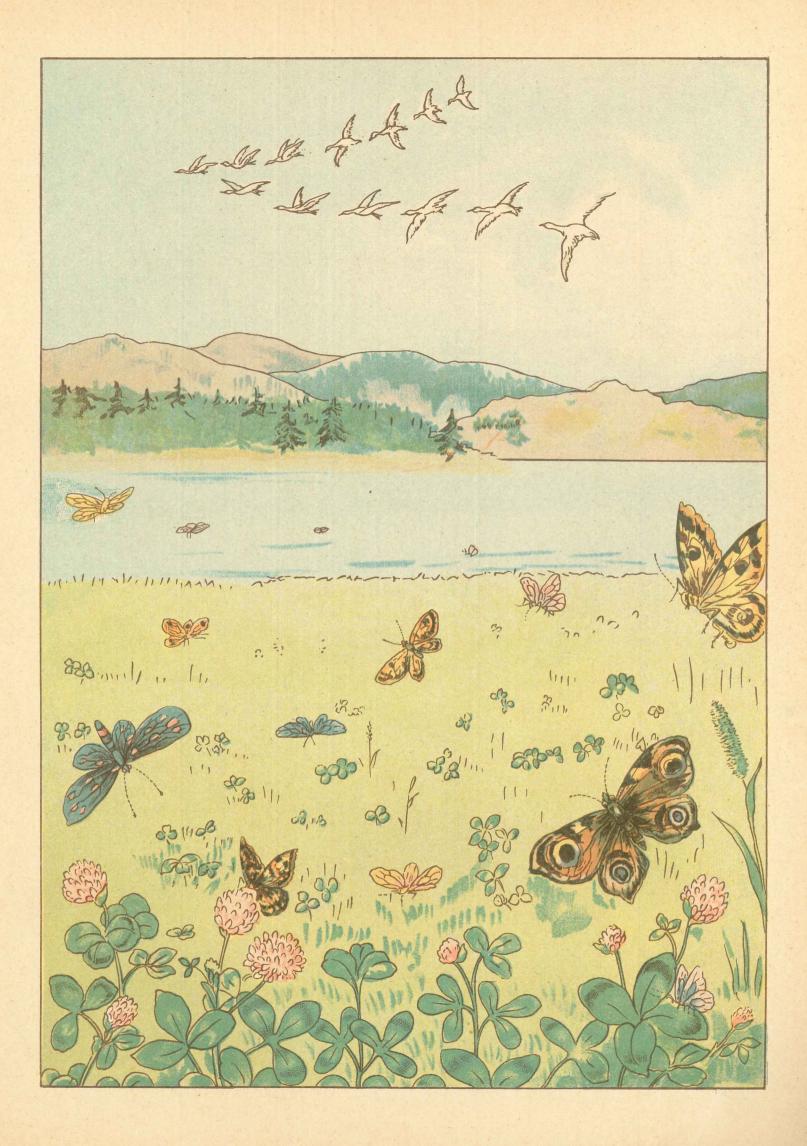
ЛЕТУНЫ ПЕРНАТЫЕ И НЕ ПЕРНАТЫЕ.

РИХОДИТЪ конецъ красному лѣту. Еще зеленѣютъ и цвѣтутъ луговыя травы. Еще порхаютъ надъ ними рѣзвыя разноцвѣтныя бабочки. Еще синѣетъ безоблачное ясное небо. Но подъ нимъ уже появились стаи перелетныхъ ж у р а в л е й. Эти птицы предвѣщаютъ близкую осень.

Ранней весной, еще въ апрълъ, прилетаютъ они къ намъ изъ далекихъ теплыхъ странъ. И тянутся тогда по небу такія же точно стаи. Тянутся днемъ, а особенно ночью. Умная птица знаетъ, что за нею охотятся люди, лакомые до ея мяса. Знаетъ, что у людей есть ружье, которое издали поражаетъ ихъ на смерть. Потому они и забираются къ небу, какъ можно выше, особенно когда летятъ надъ городомъ или большимъ селеніемъ. Гдъ много людей, тамъ у журавлей много и враговъ. А человъкъ для журавля—самый страшный, самый опасный врагъ.

Цълое лъто провели они въ нашихъ краяхъ. Разбились на пары. Каждая пара въ топкомъ болотъ выбрала себъ самое непроходимое мъсто и тамъ устроила гнъздо. Журавль—птица очень умная и очень хитрая. Она умъетъ такъ хорошо спрятать свое гнъздо, что опытный и ловкій охотникъ не найдетъ его. А если и найдетъ, то не сможетъ подойти. Въ топкомъ болотъ человъкъ можетъ провалиться совсъмъ съ головой и никогда не выкарабкается. Вотъ въ такихъ то опасныхъ для человъка мъстахъ журавли и устраиваютъ свои гнъзда.

Снесутъ пару яицъ, а потомъ и насиживаютъ поочереди, то отецъ сидитъ, то мать. Одинъ сидитъ, а другой неподалеку отъ гнѣзда стоитъ на стражѣ. При малѣйшемъ подоврительномъ шорохѣ онъ даетъ сигналъ. Журавль, сидящій на гнѣздѣ, слышитъ сигналъ и осторожно ползкомъ покидаетъ гнѣздо. Отползетъ отъ него безъ всякаго шороха на нѣсколько сажень и взлетитъ высоко на воздухъ, чтобы посмотрѣть, какая тамъ такая есть опасность. Если охотникъ близко, и за-

мътитъ, гдъ взлетълъ журавль, и будетъ искать здъсь, то онъ всетаки не найдетъ тамъ гнъзда. А пока онъ глядитъ за летающимъ журавлемъ, другой, который стоялъ на стражъ, тихо подкрадется къ гнъзду, и сидитъ въ немъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

А выйдутъ птенцы, тогда журавли нѣжно ухаживаютъ за ними и выкармливаютъ зернами. Птенцы журавля, какъ и курицы, скоро начинаютъ бѣгать, и журавли пасутся съ ними на поляхъ. А если услышатъ тревогу, ловко укрываютъ ихъ отъ врага.

Теперь лѣто подходитъ къ концу. Маленькіе журавли выросли, научились летать и стали такими-же большими, какъ и взрослые. Въ мѣстахъ уединенныхъ, вдали отъ человѣческаго жилья, они собираются опять стаями, выстраиваются треугольникомъ и учатся летать совмѣстно.

А летать въ одиночку и летать толпой—это совсѣмъ не одно и тоже. Журавль—птица очень большая. Когда у нея раскрыты крылья, между концами ихъ будетъ больше двухъ аршинъ. Когда соберется нѣсколько десятковъ такихъ летуновъ, и всѣ начнутъ махать крыльями по воздуху, они произведутъ настоящую бурю. А летятъ они быстро. И чѣмъ быстрѣе они летятъ, тѣмъ больше имъ мѣшаетъ воздухъ. Попробуй-ка бѣжать бѣгомъ противъ вѣтра. А если еще распахнуть пальто какъ крылья, такъ совсѣмъ нельзя бѣжать.

Такъ вотъ, собравшись въ стаю, чтобы не мѣшать при полеть другъ другу, журавли и выстраиваются въ двѣ линіи клиномъ. Вся стая тогда похожа на носъ парохода или лодки. А всякій, кто плавалъ, знаетъ, что лодка съ острымъ носомъ разсѣкаетъ воду какъ стрѣла и идетъ легче, чѣмъ лодка, съ тупымъ носомъ. А кто видалъ, какъ отъ парохода расходятся волны, тотъ пойметъ, что такія же волны, только воздушныя, расходятся и отъ каждаго летящаго журавля.

Если бы журавли летѣли рядомъ, то они также качали бы одинъ другого на воздушныхъ волнахъ, какъ качаютъ другъ друга пароходы, если имъ случится встрѣтиться и немножко пройтись рядомъ.

Всю эту мудрость не всякій мальчикъ сумфетъ понять.

А журавли давно ее поняли на дѣлѣ. И ужъ много тысячъ лѣтъ они летаютъ въ такомъ строю, какой для нихъ всего удобнѣе.

Теперь улетать имъ отъ насъ еще рано. Они поднялись первой небольшой стаей надъ пустынными холмами и дѣлаютъ пробный опытъ. Хорошо ли, молъ, у нихъ выйдетъ, у старыхъ, опытныхъ, и у молодежи, которая только первый разъ въ жизни собралась въ стаю.

Увидять маленькую стаю другіе журавли, которые пасутся по нѣскольку штукъ, поднимутся и они, и также пристроятся сзади въ правильную линію. Стая будеть еще крупнѣе. А полетавши вмѣстѣ, опять разсѣятся маленькими группами. Такъ имъ легче разыскивать кормъ, да и опасности меньше.

А когда настанетъ время, соберутся они стаей въ послъдній разъ, условятся какимъ-то способомъ о дальней дорогъ, и полетятъ. Впереди станетъ опытный старый и зоркій журавль, и куда онъ направится, туда направится и вся стая. Летятъ, да тихо курлыкаютъ: «курр, курр». А если есть опасность, либо тревога, крики становятся громче и нестройнъе. Иногда послъ такихъ криковъ стая вдругъ раздълится на двъ части. Каждая часть снова построится треугольникомъ, и летитъ въ разныя стороны. Полетаютъ врозь, точно разыскиваютъ потерянную дорогу. Затъмъ снова соединяются, снова строятся однимъ клиномъ и летятъ уже прямо и скоро безъ криковъ.

Летъть имъ приходится очень далеко, не одну тысячу верстъ. Летятъ они тъми же мъстами, гдъ летъли весной и прошлой осенью. Подъ яснымъ небомъ въ незримомъ воздухъ у нихъ проложена върная дорога. Знаютъ они ее и каждый разъ находятъ снова. Летятъ они такъ быстро, что въ нъсколько дней попадутъ отъ насъ прямо въ теплыя страны. У насъ хлъбъ сжали и готовятся къ зимъ. А тамъ зимы никогда не бываетъ и люди круглый годъ съютъ, выращиваютъ и жнутъ. Для журавлей—тамъ всегда обильный кормъ.

Тепло тамъ имъ, и очень сытно. Но настанетъ опять

нашъ прохладный апръль, и журавлей опять неудержимо потянеть въ наши суровыя болота. И летають они сюда каждый годь только за тъмъ, чтобы снести 2 яйца и высидъть изънихъ двухъ маленькихъ журавлятокъ. Почему не живется имъ на тепломъ югъ, и они вспоминаютъ про насъ каждую весну?

Журавли летаютъ по поднебесью, а бабочки порхаютъ надъ цвътами. Большія крылья у бабочки. Для маленькаго тъльца бабочки они—больше, чъмъ журавлиныя крылья для тяжелаго тъла журавля. Но бабочки не летаютъ, а больще порхаютъ. Тяжелыя крылья бабочки не столько помогаютъ ей, сколько мъшаютъ. Дунетъ вътерокъ, и отнесетъ ее въ противную сторону. Крылья то большія, а силы то малыя.

Да и крыльевъ то не два, а цълыхъ четыре. Но устроены они совсъмъ не такъ, какъ у птицы. У птицы крыло состоитъ изъ отдъльныхъ перышекъ, и можетъ складываться и раздвигаться словно въеръ. Птица сама можетъ сдълать крыло и большимъ, и маленькимъ. А у бабочки крылья всегда одинаковой ширины. Состоятъ они изъ жилокъ, а между жилками натянута перепонка, точно у летучей мыши. Только перепонка эта не голая, а вся покрыта мельчайшими пушистыми чешуйками. Оттого бабочки называются чешуекрылыми.

Много ихъ у насъ водится. Гораздо больше, чѣмъ птицъ. И кто хочетъ знать всѣхъ бабочекъ, ему придется всю жизнь изучать ихъ. Больше всего бабочекъ сѣрыхъ, пестрыхъ да невзрачныхъ. Но есть и очень красивыя: блестящія, перламутровыя, бархатистыя съ яркими разноцвѣтными колерами, съ рѣзкими и большими пятнами и крапинами. Верхняя сторона крыльевъ красивѣе и ярче. Цвѣтъ этой стороны, и окраска ея отличается отъ нижней. Раскрыты крылья у бабочки, мы видимъ одно. Подниметъ она крылья и сложитъ ихъ другъ съ другомъ, и предъ нами какъ будто другая бабочка.

Вотъ надъ цвѣтами порхаетъ пестрая, яркая ванесса, такъ называемая «павлиній глазъ». Надъ ней направо другая. Она подняла крылья, и потому кажется другого цвѣта.

Теперь бабочки лакомятся сладкимъ сокомъ цвѣтовъ. Запускаютъ туда свой длинный и тонкій какъ ниточка хоботокъ и сосутъ. Еще недавно онѣ были червячками, ползали по этому лугу и ѣли зелень. Теперь червячокъ сдѣлался бабочкой и полетѣлъ!

Удивительно это превращеніе червячка въ бабочку. И я совътую вамъ самимъ понаблюдать за этимъ. Возьмите лътомъ нъсколько такихъ червячковъ вмъстъ съ листьями, на которыхъ они сидъли. Посадите въ банку. И давайте имъ каждое утро такихъ же листьевъ свъжихъ. А затъмъ смотрите что будетъ далъе.

